
СОРОКЪ ЛѢТЪ

ТОМУ НАЗАДЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

I.

Литературныя знакомства.

Въ половинѣ марта 1862 года, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, только начинающимъ самостоятельную жизнь, первый разъ въѣзжалъ я въ Москву. Ѣхалъ я на почтовыхъ съ юга Россіи, но такъ какъ по дорогѣ мнѣ понадобилось сдѣлать изрядный крюкъ въ сторону, то направлялся я къ Москвѣ съ запада, по тому самому пути, которымъ въ давнія времена двигались литовскія, польскія и французское полчища на центръ Россіи, вслѣдствіе чего одинъ пунктъ за другимъ возбуждали историческія воспоминанія. Прошли уже предо мною памятники сраженію подъ Краснымъ, Смоленскъ съ его массивными Годуновскими стѣнами, Вязьма, деревня Царево-Займище, Бородинское поле,—и все это поддерживало напряженный интересъ къ тому, какъ откроется наконецъ сама древняя и многострадальная столица.

Было ясное морозное утро. Снѣгъ лежалъ еще довольно прочно, только зимній путь былъ сильно испорченъ ухабами и раскатами, которые при тогдашнемъ господствѣ гужевыхъ путей составляли спеціальное бѣдствіе для проѣзжихъ, а особенно—

для тянувшихся длинными вереницами обозовъ. Подмосковная же мѣстность по почтовой дорогѣ съ этой стороны и безъ того была волниста. Значительныя возвышенія и спуски чередовались между собою. Мои сани то ныряли въ глубокіе ухабы, то взбирались наверхъ, то съ размаху быстро скатывались направо или налево, отлетая далеко въ сторону по скользкой поверхности выглаженного проѣзжими снѣга, отчего не разъ встрѣчалась необходимость выходить изъ саней и поправлять послѣдствія встряски. Отъ волнистаго свойства пути видъ Москвы безпрестанно то показывался, то исчезалъ. Тронувшись отъ послѣдней предмосковной станціи Перхушково, находившейся въ 31-й верстѣ отъ города, можно было видѣть впереди на горизонтѣ только неясныя очертанія какихъ-то лѣсковъ, но когда я проѣхалъ дальше верстъ двѣнадцать или около того—вдругъ съ этого же горизонта блеснулъ золотой лучъ, брошенный изъ Москвы куполомъ новаго храма Христа Спасителя, который въ ту пору былъ уже готовъ снаружи, только далеко еще не отдѣланъ внутри. Другихъ же признаковъ города замѣтно еще не было. Спустились мы затѣмъ въ долину—и лучъ исчезъ, заслоненный слѣдующимъ возвышеніемъ. Поднялись на это возвышеніе—лучъ уже ярче и вмѣстѣ съ нимъ выступаютъ сбивчивые образы какихъ-то другихъ зданій. А такъ какъ по пути безпрестанно приходилось спускаться и подниматься, то панорама Москвы возникала и пропадала періодически, только съ каждымъ новымъ появленіемъ становилась шире, отчетливѣе, разнообразнѣе, эффектнѣе. Съ западной стороны видъ Москвы всего великолѣпнѣе, и нельзя было не залюбоваться имъ, когда онъ открылся уже на близкомъ разстояніи. Наконецъ, въѣхали въ городъ чрезъ Дрогомилово, и я очутился среди городского шума. Прошли мимо меня Арбатъ, бульвары, Тверская, и мои сани остановились у гостиницы Бекетова, бывшей на углу Тверской и Георгіевскаго переулка.

Я пріѣхалъ съ цѣлью поселиться въ Москвѣ и пріискать себѣ тамъ какія-нибудь занятія. Денегъ у меня было очень мало (за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отецъ мой совсѣмъ разорился), ресурсовъ въ запасъ никакихъ, протекцій тоже не имѣлось, и пробиваться изъ такого положенія надо было исключительно собственнымъ трудомъ. Пристроиваться къ какой-нибудь казенной службѣ у меня тогда намѣреній не было, тѣмъ болѣе, что и для этого возникла бы необходимость въ протекціяхъ, но и выжидать долго безъ занятій тоже было нельзя, за неимѣніемъ средствъ. При такихъ обстоятельствахъ, моя мысль останавливалась главнымъ образомъ на отысканіи литературной работы, которая, при

ея особомъ интересѣ, казалось, и отыщется скорѣе. Я надѣялся, что при моихъ крайне скромныхъ требованіяхъ она меня поддержитъ хоть на время, пока я успѣю подыскать себѣ какой-нибудь болѣе постоянный источникъ. Мнѣ уже раньше пришлось помѣстить въ разныхъ газетахъ не мало статейъ, въ томъ числѣ въ московскихъ изданіяхъ: „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника“, Каткова, и „Дпѣ“ Аксакова. Читалъ же я съ ранней юности много, и журналовъ, и газетъ. А время тогда было богато надеждами на широкое развитіе печати и на расширеніе частной дѣятельности вообще. Къ литературному міру меня тянуло, и много привлекательнаго въ немъ было въ ту пору.

Начало 1862 года было для этого міра однимъ изъ особо интересныхъ моментовъ. Всюду чувствовалось движеніе впередъ, всюду слышалась рѣчь объ обновленіи, оживленіи, о скорѣйшей развязкѣ съ огромнымъ запасомъ общественныхъ золъ близкаго и мрачнаго прошлаго, о выводѣ русской жизни на новый, благотворный путь. Крестьянская реформа только-что прошла законодательно, и во всѣхъ губерніяхъ шли горячія работы по ея фактическому осуществленію, а въ ближайшемъ будущемъ ожидалось: уничтоженіе тяжкаго зла винныхъ откуповъ, избавленіе отъ стараго несправедливаго и взяточнаго суда, исправленіе административныхъ порядковъ, и т., д. и т. д. Участливость печати ко всѣмъ вопросамъ улучшенія не могла не возвышать ея авторитета и не вызывать къ ней живѣйшихъ симпатій. Тому же, кто въ молодости, подобно мнѣ, вдоволь успѣлъ наглядѣться и послушаться въ провинціи беззаконій, произвола, проявленій жестокости и др. жизненныхъ неправдъ дореформеннаго времени, у кого эти неправды накопили много протестующаго чувства, — тому печать, возстающая противъ нихъ, даже особенно казалась могучею силою движенія впередъ. Тогда и между органами печати не было еще такой рѣзкой розни, какая скоро послѣ того начала выступать съ большою рельефностью. Движеніе впередъ чувствовалось, но въ литературномъ мірѣ не ощущалось остраго запаха ретроградныхъ мотивовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ изданій, на которыя и смотрѣли какъ на современные курьёзы. Напротивъ, и дѣятели стараго времени старались поддѣлываться къ новому движенію. Кто не заглядывалъ поглубже, туда, гдѣ таились зародыши будущей борьбы направленій, — тому казалось, что почти всѣ идутъ согласно къ отысканію лучшихъ, болѣе свободныхъ условій жизни и расходятся развѣ въ частностяхъ, въ способахъ этого отысканія. Словомъ, довольно вспомнить, что это былъ моментъ послѣ начатія крупныхъ реформъ,

но—до петербургскихъ пожаровъ и раньше крайняго обостренія польскаго вопроса и другихъ событій, вызвавшихъ проявленія реакціоннаго духа вмѣстѣ съ мотивами угодливости и частныхъ выгодъ, которые стали потомъ раздѣлять міръ печати на рѣзко обособленные лагеря.

Московскій литературный міръ имѣлъ самостоятельную и симпатичную фізіономію. Въ немъ особенно выдавались двѣ группы: „Русскаго Вѣстника“ и славянофильская, державшаяся около газеты „День“. Катковъ представлялся тогда крупною прогрессивною силою, пользуясь въ лучшей части общества большою популярностію, пріобрѣтенною шестилѣтнимъ изданіемъ „Русскаго Вѣстника“, который впервые заговорилъ о коренныхъ русскихъ вопросахъ серьезно, по новому, съ непривычною до того свободою и достоинствомъ сторонника дѣйствительныхъ общественныхъ интересовъ, хотя и вызывалъ замѣчанія своимъ увлеченіемъ англоманствомъ. Аксаковъ же, издававшій въ это время еженедѣльную газету „День“, смѣнившую кратковременно просуществовавшій до своего запрещенія „Парусъ“; привлекалъ къ себѣ горячностью и искренностью своей рѣчи, въ которой чувствовалось живое стремленіе къ правдѣ, соединенное съ наступательнымъ характеромъ. И не соглашавшіеся съ его славянофильствомъ, доводившимъ иногда до большихъ увлеченій, очень цѣнили его глубокую убѣжденность и прямоту. — Были еще двѣ большія ежедневныя газеты. „Московскія Вѣдомости“ издавались отъ университета и имѣли общій либеральный характеръ, но велись довольно вяло, потому что ихъ редакція доживала свой послѣдній годъ; въ это время уже предполагалась сдача „Московскихъ Вѣдомостей“ въ аренду, редакторъ Коршъ готовился къ переѣзду въ Петербургъ для изданія „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, а помощнику его Щепкину предстояло только доредактировать газету въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Другую газету представляло „Наше Время“, но она отличалась уже инымъ характеромъ. Издавалъ ее Н. Ф. Павловъ, имѣвшій въ литературномъ мірѣ очень незавидную репутацію; его газета и виляла, и подслуживалась внѣшнимъ силамъ, и проводила антипатичныя сословныя тенденціи, хотя все это нисколько ей не помогло: „Наше Время“ быстро зачахло отъ возроставашаго нерасположенія публики. — Издавалась еще еженедѣльная газета „Русская Рѣчь“ графини Саліасъ, представлявшая отпрыскъ „Русскаго Вѣстника“, но она прекратила свое существованіе въ началѣ 1862 года. Остальныя изданія были мелки или спеціальны.

По пріѣздѣ въ Москву, приступилъ я къ завязкѣ литератур-

ныхъ знакомствъ, начавъ съ Каткова. Адреса я его не зналъ, такъ какъ на книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ означались только его контора и типографія, и потому сначала направился къ этой послѣдней, въ Армянскій переулокъ. Здѣсь мнѣ сказали, что Катковъ живетъ довольно далеко отъ городского центра, близъ Ивановскаго монастыря, въ Трехсвятительскомъ переулкѣ, въ домѣ Клевезаль. Подѣхавъ къ этому дому, я нашелъ дверь съ улицы запертою, а на ней билетикъ съ означеніемъ, что по случаю какихъ-то передѣлокъ ходъ въ редакцію временно назначенъ со двора. Но на дворѣ ни души, а входовъ нѣсколько. Сунулъ я въ одинъ входъ, но неудачно, и здѣсь меня отослали къ другому. Тутъ попалъ я въ какія-то сѣни или корридоръ и нашелъ боковую дверь, при которой не было звонка—признакъ тогдашней московской простоты. Направившись сюда наугадъ и отворивъ уже вторую дверь, попалъ я въ почти темную комнату, гдѣ трудно было сразу оглядѣться. Окна были плотно завѣшаны сторами, словно въ спальнѣ, на столѣ стояла горящая свѣча, и въ эту минуту какой-то вполне одѣтый господинъ, подойдя къ свѣчѣ, зажигалъ сигару. Оглянувшись, онъ обратился ко мнѣ, и на мое заявленіе, что я желалъ бы видѣть редактора, отвѣтилъ приглашеніемъ пройти вмѣстѣ съ нимъ въ другую комнату. Мы вошли въ просторный и свѣтлый кабинетъ, и здѣсь этотъ господинъ объявилъ, что онъ-то и есть редакторъ, Катковъ. Я назвалъ себя, онъ отвѣтилъ, что помнитъ мое имя по статьямъ, мы подали другъ другу руки, усѣлись возлѣ стола, и начался между нами разговоръ.

Внѣшность и манера моего новаго знакомого расположили меня къ нему. Предо мною былъ человекъ лѣтъ около сорока, средней полноты, съ продолговатымъ лицомъ, прямымъ носомъ, короткою бородою, темнорусыми приглаженными волосами и умными глазами. Голосъ не громкій, рѣчь плавная, но настолько сдержанная, какъ будто слова отпускались съчетомъ, а манера—очень любезная. Послѣ ординарныхъ объясненій о томъ, откуда я, давно ли пріѣхалъ въ Москву и съ какою цѣлью и т. под., а также нѣсколькихъ словъ о текущихъ литературныхъ дѣлахъ, я высказалъ Каткову, что, начиная самостоятельную жизнь, рѣшился поселиться въ Москвѣ; а такъ какъ мнѣ очень нужна работа, то я и ищу ее въ журнальной сферѣ, причемъ надѣюсь на возможность пристроиться къ чему-нибудь и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Катковъ отвѣтилъ предложеніемъ доставлять статьи на общемъ основаніи, но на это я замѣтилъ, что мнѣ нужна не случайная, а сколько-нибудь постоянная работа, почему мнѣ

интересно узнать—могу ли я найти ее при редакціи. Соображая, что Катковъ видѣлъ меня только первый разъ и къ нему, вѣроятно, подобно мнѣ, обращаются многіе, я, конечно, готовился и къ отрицательному отвѣту; однако пріемъ оказанъ былъ мнѣ болѣе сочувственный. Катковъ вступилъ въ болѣе подробныя объясненія и пошелъ на встрѣчу моему предложенію. Мы поговорили еще какъ на эту тему, такъ и о другихъ предметахъ, а въ заключеніе онъ высказалъ, что хотя сразу не можетъ предложить мнѣ чего-либо вполне опредѣленнаго, но надобность въ литературныхъ работахъ при редакціи дѣйствительно встрѣчается нерѣдко, только для выбора мнѣ подобныхъ занятій надо бы намъ познакомиться ближе. — „У меня, — сказалъ онъ, — по пятницамъ, вечерами, собираются сотрудники и др. знакомые; милости просимъ и васъ посѣщать наши вечера. Вотъ тутъ я познакомлю васъ съ моимъ товарищемъ, профессоромъ Леонтьевымъ, и мы вмѣстѣ подумаемъ, какъ бы васъ пристроить. Вѣроятно и вамъ могутъ быть интересны тѣ, кого вы у насъ встрѣтите“.

Въ концѣ нашего разговора, вошелъ секретарь редакціи, и Катковъ напомнилъ ему о необходимости разсчитаться со мною по гонорару за напечатанныя мои статьи, такъ что я тутъ же получилъ небольшое подкрѣпленіе своихъ ресурсовъ.

Общее впечатлѣніе, произведенное на меня, провинціальнаго новичка, этою первою встрѣчею съ столичною литературною силою, было благопріятно. Катковъ до извѣстной степени очаровалъ меня своимъ любезнымъ отношеніемъ, показался мнѣ очень симпатичнымъ человѣкомъ, и въ эту минуту едва ли я могъ бы повѣрить, что въ будущемъ придется относиться къ его общественной дѣятельности такъ, какъ пришлось потомъ относиться въ дѣйствительности.

Вслѣдъ затѣмъ отправился я къ Аксакову, на Спиридоновку, гдѣ редакція „Дня“ помѣщалась въ небольшомъ домѣ Вечеслова. Но здѣсь мнѣ пришлось поговорить только въ конторѣ, такъ какъ Аксаковъ, сильно занятый предъ выпускомъ газетнаго номера, въ этотъ день никого не принималъ. Побывалъ я также у предсѣдательницы „Общества распространенія полезныхъ книгъ“, извѣстной московской общественной дѣятельницы А. Н. Стрекаловой, къ которой имѣлъ рекомендательное письмо отъ давней ея пріятельницы изъ провинціи. Она приняла меня до того любезно, что тутъ же оставила у себя обѣдать и пригласила посѣщать ея домъ запросто, обѣщая литературныя и другія интересныя встрѣчи. Случайно пришлось сдѣлать еще нѣкоторыя знакомства, и вообще въ Москвѣ какъ-то сразу стали открываться предо мною двери литературныхъ круговъ.

Послѣ первыхъ московскихъ встрѣчъ пришла мнѣ въ голову мысль сдѣлать еще кратковременную экскурсію въ Петербургъ, благо подобная поѣздка стоила въ ту пору дешево: проѣздъ въ третьемъ классѣ, хотя очень неудобный, тридцатичасовой и въ нетопленныхъ вагонахъ, оплачивался всего четырьмя рублями. Но въ Петербургѣ знакомствъ я успѣлъ сдѣлать немного. Первымъ моимъ литературнымъ знакомцемъ здѣсь былъ Н. И. Вейнбергъ, только-что прекратившій тогда редакторство въ еженедѣльной газетѣ „Вѣкъ“, издававшейся немного болѣе года, при сотрудничествѣ Дружинина и Кавелина, и въ которой я тоже успѣлъ въ предъидущемъ году кое-что помѣстить. Другое же знакомство у меня состоялось съ редакціею журнала „Основа“, посвященнаго исторіи, литературѣ и вообще интересамъ Малороссіи. Редактировалъ этотъ журналъ В. М. Бѣлозерскій, а помогалъ ему въ редакціонныхъ трудахъ—Кистяковскій, впоследствии кievскій профессоръ. Заѣхавъ въ редакцію, бывшую у Круглаго рынка, я засталъ тамъ обоихъ и встрѣтилъ еще болѣе привѣтливый пріемъ. Мы оживленно разговорились, преимущественно о знакомомъ мнѣ югѣ и малороссійской исторіи; кстати оказалось, что у насъ есть общіе знакомые, и я съ удовольствіемъ засидѣлся у Бѣлозерскаго часа полтора, а въ заключеніе получилъ приглашеніе на вечеръ слѣдующаго дня, на который приходилось еженедѣльное, понедѣльничное собраніе сотрудниковъ „Основы“ и знакомыхъ редакціи.

Отъ этого вечерняго собранія, однако, у меня осталось немного впечатлѣній, да и тѣ сильно сгладились, потому что почти со всѣми встрѣченными тамъ людьми мнѣ потомъ не пришлось видѣться ни разу. Помню, что собраніе было многолюдно, но хотя вечеръ отличался національнымъ характеромъ, однако составъ участниковъ былъ довольно смѣшанный. Были двѣ-три дамы, были великоруссы и малороссы, и даже нѣсколько сербскихъ студентовъ; различны были и одежды. На ряду съ сюртуками и фраками, встрѣчалось не мало народныхъ малорусскихъ костюмовъ. Одинъ, помню, одѣтъ былъ въ широкую и длинную халатообразную чуйку и подпоясанъ длиннымъ, толстымъ и пестрымъ крестьянскимъ поясомъ, обертывавшимъ его два или три раза. Изъ писателей припоминаю только Кулиша. Разговоръ шелъ оживленно по кружкамъ, но была и рояльная музыка. Чувствовалось, что большинство здѣсь—горячіе приверженцы всего малороссійскаго; слышалось не мало о правѣ, достоинствѣ и важномъ значеніи народнаго языка, но меня отчасти удивляло, что при всемъ томъ говорившіе мало имъ пользовались. Даже

въ тѣсныхъ кружкахъ земляковъ рѣчь шла, главнымъ образомъ, на языкѣ общерусскомъ, литературномъ. Выдвигались среди бесѣдъ отдѣльныя малорусскія фразы, поговорки, отрывки народныхъ пѣсенъ, иной начнетъ и разговоръ по-малорусски, а тамъ — опять сведутъ на общую русскую рѣчь.

Въ Петербургѣ я пробылъ всего три дня, успѣвъ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ ознакомиться съ его внѣшностью, а затѣмъ опять вернуться въ Москву, гдѣ обратился къ продолженію литературныхъ знакомствъ. Направясь снова въ редакцію „Дня“, я на этотъ разъ уже засталъ Аксакова въ свободное для него время и поговорилъ съ нимъ довольно долго. Тутъ впечатлѣніе получилось совсѣмъ не такое, какъ при встрѣчѣ съ Катковымъ.

Ни по внѣшности, ни по манерѣ, ни по содержанію рѣчи не замѣтно было ничего общаго между Аксаковымъ и Катковымъ. Тогда какъ послѣдній, при всей наружной привѣтливости, отличался большою сдержанностью рѣчи, словно отсчитывалъ слова, нерѣдко прималчивалъ и не обнаруживалъ внутренней живости, такъ что отъ него отдавало холодкомъ, — Аксаковъ сразу производилъ впечатлѣніе очень живого челоуѣка и рѣчь его, можно сказать, была ключомъ. Выше средняго роста, полный, съ открытымъ лицомъ, откинутыми назадъ длинными русыми волосами и переходящею въ рыжій цвѣтъ бородою, большимъ горбатымъ носомъ, живыми глазами — онъ съ перваго взгляда казался силою, а разговоръ его еще увеличивалъ это впечатлѣніе. Какъ только мы начали говорить, бесѣда сразу стала живою. Аксаковъ не дожидался вопросовъ, а самъ бралъ на себя инициативу по отношенію къ предметамъ разговора, спрашивалъ о крестьянскомъ дѣлѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ въ послѣднее время, о русско-польскихъ отношеніяхъ на югѣ, затѣмъ перешли къ рѣчи о тогдашнемъ украинофильствѣ, коснулись распространенія школъ, дѣятельности духовенства и т. д., причемъ Аксаковъ горячо и образно выражалъ свои воззрѣнія на тѣ или другія стороны дѣла. Вопросовъ перетрогано было не мало и къ нимъ у него сказывалось не просто живое, а въ известной степени даже страстное отношеніе, выражавшееся какъ въ тонѣ рѣчи, такъ и въ соотвѣтствующихъ жестахъ. Когда разговоръ перешелъ къ моему положенію въ Москвѣ, Аксаковъ, предложивъ мнѣ писать для „Дня“, участливо замѣтилъ, что мнѣ надобно войти въ хорошія знакомства, бывать въ кругу серьезно мыслящихъ людей, и затѣмъ нашъ разговоръ окончился приглашеніемъ на его еженедѣльные вечера, тоже по пятницамъ. „Въ субботу, — объяснилъ онъ, — выходитъ номеръ „Дня“, наканунѣ

редакціонная работа затихаетъ и вечеръ этотъ—самое удобное время для нашихъ собраній“.

Мнѣ оставалось устроиться въ Москвѣ нѣсколько основательнѣе. Жизнь въ гостинницѣ была не по средствамъ. Литературные заработки только начинали открываться,—значить, на нихъ не очень-то можно было рассчитывать. Послѣ недолгихъ исканій, нашелъ я около Малаго театра меблированныя комнаты, гдѣ за рубль въ сутки мнѣ предложили: небольшую, но чистую и удобную комнату, обѣдъ въ три блюда и самоваровъ сколько угодно. Здѣсь я помѣстился и сталъ до нѣкоторой степени чувствовать себя уже москвичемъ.

II.

Редакціонные кружки.

Посѣщенія московскихъ литературныхъ собраній началъ я съ ближайшей пятницы. У меня были приглашенія на два собранія въ недѣлю, но неудобство состояло въ томъ, что оба они приходились на одно и то же время—пятничный вечеръ. Поэтому надо было или поочередно пользоваться только однимъ приглашеніемъ, или дѣлить вечеръ на-двое, а это послѣднее сильно затруднялось дальностью разстоянія между редакціями „Дня“ и „Русскаго Вѣстника“. Тащиться нѣсколько верстъ, изъ-за Покровки, съ Трехсвятительскаго переулка на Спиридоновку, на тогдашнихъ влекомыхъ клячами извозчичьихъ дрожкахъ, да еще при московской кривизнѣ улицъ и крутизнѣ подъемовъ и спусковъ, значило терять изъ недолгаго вечерняго времени цѣлый часъ, если не больше. Однако, на первый разъ мнѣ захотѣлось побывать на обоихъ вечерахъ, и я направился сначала къ Каткову.

Этотъ вечеръ у Каткова былъ одинъ изъ ординарныхъ, великопостныхъ, но, тѣмъ не менѣе, не лишенъ былъ нѣкоторой парадной внѣшности. Гости появлялись во фракахъ, и первымъ изъ нихъ приходилось дожидать хозяина. Когда ихъ набралось уже нѣсколько, тогда вышелъ къ нимъ Катковъ, тоже облачившійся во фракъ. Затѣмъ стали подъѣзжать другіе, и мало-по-малу составъ общества опредѣлился. Всего было человѣкъ около двѣнадцати; дамъ не было видно,—онѣ принимались въ другой комнатѣ и, какъ показали послѣдующіе вечера, выходили только къ ужину. Катковъ познакомилъ меня съ присутствовавшими, въ числѣ которыхъ были: Леонтьевъ, поэтъ Алмазовъ, Лонгиновъ и близкій сотрудникъ редакціи—Щербань. Остальныхъ не припомню, да они, кажется, и не представляли особаго интереса.

Разговоръ шель не общій, а больше по маленькимъ группамъ: двое-трое усядутся у стола, другая группа помѣстится на диванѣ, третьи заберутся въ уголокъ и бесѣдуютъ тихо, чуть не въ полголоса. Говорили о петербургскихъ журпальныхъ новостяхъ, объ извѣстіяхъ изъ губерній, о ходѣ уставныхъ грамотъ, объ обострявшемся польскомъ движеніи, о выплывавшемъ тогда на горизонтъ вопросѣ имущественнаго ценза въ будущемъ мѣстномъ управленіи, о новомъ сатирическомъ стихотвореніи Алмазова „Похороны Русской Рѣчи“, и т. д., только вообще говорили какъ-то вразбросъ, съ паузами прималчиванья, отчего содержаніе бесѣдъ этихъ мало оставалось въ памяти.

Самъ Катковъ то подходилъ къ отдѣльнымъ группамъ, то усаживался среди двухъ-трехъ собесѣдниковъ, но говорилъ очень мало. Здѣсь только послушаетъ, прималчивая; тамъ кинетъ, какъ бы свысока, нѣсколько малозначащихъ словъ, выразить односложное подтвержденіе или сомнѣніе по поводу чужой рѣчи, вообще же — больше держалъ свои уста замкнутыми, что невольно напоминало бывшія въ ходу шутки объ его олимпійскомъ величіи. Казалось даже, будто и другіе, въ его присутствіи, были сдержаннѣе обыкновеннаго, словно ихъ подавляла его величавая замкнутость. Немного отличался отъ него въ этомъ отношеніи и Леонтьевъ, фигура и манера котораго представляли характерный образецъ безстрастія. Небольшого роста, бритый, съ горбомъ за плечами и какъ бы прижатою къ туловищу головою, онъ казался очень невзрачнымъ, а въ сквозившихъ черезъ очки глазахъ его тоже незамѣтно было никакой живости. Говорилъ онъ очень сдержанно, изрѣдка подавая собесѣднику короткія реплики, и въ рѣчи его не легко было улавливать его собственное, достаточно опредѣленное мнѣніе. Идетъ у него, напримѣръ, съ кѣмъ-нибудь разговоръ, и очень замѣтно, что Леонтьевъ совершенно не раздѣляетъ взгляда своего собесѣдника, рѣчь тянется долго, но Леонтьевъ все молчитъ, повидимому внимательно слушая, и не дѣлаетъ возраженій, лишь кое-гдѣ вставляя наводящій сомнѣніе вопросъ или легкое замѣчаніе. Казалось, расшевелить, вывести изъ сосредоточеннаго спокойствія его безстрастную, выдержанную натуру — очень мудрено. Говорливѣе всѣхъ въ этомъ обществѣ былъ крупный толстякъ Лонгиновъ, голосъ котораго гремѣлъ далеко вокругъ. Этотъ будущій начальникъ россійской цензуры, проживая въ Москвѣ и состоя секретаремъ „Общества любителей россійской словесности“, числился тогда въ либералахъ и извѣстенъ былъ преимущественно какъ авторъ историческихъ монографій, что замѣтно отражалось и въ его рѣчахъ. Онъ рассказывалъ историческіе анекдоты, приводилъ справки

давно прошедшихъ временахъ, строго критиковалъ современные административные порядки, возставалъ противъ стѣсненій печати, говорилъ о необходимости развитія самоуправленія, — словомъ, высказывался какъ разъ противъ того, что самъ примѣнялъ въ послѣдствіи, когда получилъ власть, — а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно негодовалъ на неисправность отбыванія крестьянами повинностей въ пользу помѣщиковъ, въ чемъ, конечно, былъ искреннѣе. Онъ такъ настаивалъ на этомъ послѣднемъ предметѣ, что скоро „Современная Лѣтопись“ украсилась полемикою о крестьянскихъ повинностяхъ въ имѣніи самого Лонгинова, занявшею мѣсто на ряду съ государственными и общественными вопросами того времени.

Разнесли чай, всѣмъ въ чашкахъ; гости присѣли съ ними за разные столики, и это, въ свою очередь, заняло разговорныя паузы. Тутъ зашелъ у меня отдѣльный разговоръ съ Леонтьевымъ. Онъ сказалъ, что Катковъ уже передавалъ ему о нашемъ предъидущемъ объясненіи, и что въ данное время наиболѣе подходящею будетъ такая комбинація: кромѣ того, что я могу доставлять для „Современной Лѣтописи“ статьи по собственной инициативѣ, редація, время отъ времени, будетъ давать мнѣ накапливающіеся у нея матеріалы по отдѣльнымъ предметамъ, а я буду составлять по нимъ статьи, обзоры, очерки и т. п., причемъ оплачиваться эта работа будетъ за каждый напечатанный трудъ особо. Пока, по словамъ Леонтьева, надо было остановиться на этомъ, потому что другія роли при редакціи заняты; однако онъ прибавлялъ, что впереди предвидится для меня возможность болѣе широкаго и постояннаго участія въ редакціонныхъ работахъ, такъ какъ у редакціи имѣются нѣкоторые виды на расширеніе дѣятельностей въ будущемъ. Какъ въ послѣдствіи выяснилось, Катковъ съ Леонтьевымъ тогда уже задумывали изданіе ежедневной газеты.

Выждавъ еще немножко, я ускользнулъ изъ этого общества и, взявъ извозчика, потянулся къ Аксакову, на Спиридоновку, куда поспѣлъ уже незадолго до полуночи.

Еще снимая верхнюю одежду въ прихожей, я уже слышалъ громкіе голоса изъ внутреннихъ комнатъ, показывавшіе, что тамъ идетъ очень оживленный разговоръ. Гости располагались въ двухъ комнатахъ — залѣ съ мягкой мебелью и редакторскомъ кабинетѣ. Аксаковъ не былъ еще въ ту пору женатъ и проживалъ съ матерью и сестрами, которыя на своей половинѣ принимали своихъ гостей, такъ что пятничные посѣтители дѣлились на двѣ части, причемъ, разумѣется, гости самого Аксакова составляли преобладающее большинство. Лишь нѣкоторые, болѣе

близкіе къ ихъ семейству, заходили изъ мужской половины и на женскую. Я вошелъ въ кабинетъ въ самый разгаръ какого-то разговора, среди котораго Аксаковъ, сѣдя въ одной изъ группъ, что-то горячо доказывалъ. Составъ присутствовавшихъ былъ замѣтно больше, чѣмъ на только-что покинутомъ мною Катковскомъ вечерѣ, и Аксаковъ сейчасъ же сталъ знакомить меня съ нѣкоторыми изъ нихъ. Тутъ были люди самыхъ разнообразныхъ положеній, отъ московскихъ тузовъ до бѣдныхъ студентовъ, соотвѣтственно чему варьировались и одежды: между сюртуками и пиджаками встрѣчались и поддѣвки.

Были здѣсь университетскіе профессора: старикъ Ив. Дм. Бѣляевъ, хромой отъ поврежденія ступни ноги, выдвинувшійся незадолго предъ тѣмъ вышедшимъ историческимъ сочиненіемъ „Крестьяне на Руси“, которое охватывало положеніе русскаго крестьянства съ древнѣйшихъ временъ до Екатерининской эпохи; пріѣзжій изъ Петербурга В. И. Ламанскій и недавно перешедшій на кафедру философіи московскаго университета изъ кievской духовной академіи Юркевичъ, изъ-за котораго около того времени возникла острая полемика между „Современникомъ“ и московскими органами; это былъ добродушный съ виду малороссъ, отличавшійся рѣзкимъ южнымъ выговоромъ, но очень далекій отъ всякаго украинофильства и скорѣе тяготѣвшій къ традиціонному консерваторству. Изъ коренныхъ представителей славянофильскаго общества присутствовали: бывшій недавно членомъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу кн. Черкасскій; бывшій профессоръ Ѳ. В. Чижевъ, занимавшійся въ то время крупными промышленными дѣлами, руководившій предпріятіемъ московско-ярославской желѣзной дороги и издававшій газету „Акціонеръ“; а также — двое Самариныхъ, — братья извѣстнаго Юрія Ѳедоровича, который находился тогда въ Самарѣ, будучи членомъ тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Тутъ же находились: вращавшійся въ славянофильскомъ кругу и писательствовавшій богачъ Кошелевъ — крупный помѣщикъ разныхъ губерній и московскій домовладѣлецъ, округлившій въ былое время свое состояніе участіемъ въ откупахъ, — а впоследствии короткое время занимавшій видный постъ по финансовому управленію Царства Польскаго; редакторъ памятниковъ народнаго творчества „Калики Перехожіе“, а впоследствии харьковскій профессоръ Безсоновъ, — наружность котораго отличалась высокимъ ростомъ и совѣтъ лысою головою; занимавшійся вопросами русской исторіи профессоръ семинаріи Ил. Вас. Бѣляевъ; одинъ изъ редакторовъ „Православнаго Обозрѣнія“ священникъ Преображенскій, поэтъ Плещеевъ, московскій судебный дѣятель

и писатель Лопатинъ и горный полковникъ Пфейферъ. Этотъ послѣдній, не представляя никакой литературной физіономіи, писалъ иногда по финансамъ, а тогда усердно занимался изученіемъ англійской парламентской дѣятельности; по какому-то случаю московскій университетъ получилъ разъ изъ Англіи пожертвованіе въ видѣ обширнаго собранія парламентскихъ актовъ; узнавъ о томъ, Пфейферъ, будучи знатокомъ англійскаго языка, попросилъ доступа къ этому матеріалу, долго корпѣлъ надъ нимъ и въ результатъ выпустилъ подъ псевдонимомъ книгу „Парламентское дѣлопроизводство“. Было еще нѣсколько лицъ изъ литературнаго міра, но такъ какъ я сразу ихъ не запомнилъ, а узнавалъ ихъ ближе уже впослѣдствіи, то боюсь перепутать, кто изъ нихъ находился именно на этомъ вечерѣ. Присутствовала еще цѣлая группа русскихъ и болгарскихъ студентовъ. Между послѣдними помню: Жинзифова, Каравелова, Станишева и Камбурова.—На одномъ изъ столовъ лежалъ только-что отпечатанный нумеръ „Дня“, подлежавшій выпуску на слѣдующее утро.

Очутившись въ Аксаковскомъ обществѣ сейчасъ послѣ Катковскаго, я какъ-то сразу почувствовалъ значительное различіе между ними. Тогда какъ въ Катковскомъ шли чинные, словно дисциплинированные разговоры, у Аксакова пришлось ощутить себя въ болѣе живой средѣ. Ничего похожего на натянутость тутъ не замѣчалось; разговоры шли громкіе, оживленные, иногда горячіе, какъ по кружкамъ, такъ и общіе, и нерѣдко возникали споры. Вотъ одинъ кружокъ, центръ котораго представляютъ Бѣляевы, сильно заинтересовался вопросомъ о выдвинутыхъ тогда Костомаровымъ гипотезахъ относительно этнографическаго единства древнихъ новгородцевъ съ малоруссами и происхожденія великорусскаго племени, причемъ всѣ относятся къ этимъ мнѣніямъ отрицательно, находя, что они и предвзяты, и тенденціозны, и не обоснованы, такъ что собесѣдники распространяются только о тѣхъ или другихъ недостаткахъ пріемовъ петербургскаго историка. Въ другомъ мѣстѣ идетъ оживленный разговоръ о ходѣ крестьянскаго дѣла, главнымъ образомъ о только-что начатомъ введеніи уставныхъ грамотъ, которое встрѣчало еще большія затрудненія, частію въ недоразумѣніяхъ по поводу примѣненія „Положеній“, частію же въ крестьянскомъ недовѣріи, побуждавшемъ уклоняться отъ какихъ-либо соглашеній съ помѣщиками, вслѣдствіе чего возникали въ помѣщичьей средѣ желанія и обязательнаго перевода крестьянъ съ издѣльной повинности па оброкъ, и допущенія выкупа въ издѣльныхъ имѣніяхъ. Здѣсь слышатся разсужденія по поводу современныхъ дворянскихъ собраній въ губерніяхъ, причемъ въ рѣшительной формѣ ставится

вопросъ объ измѣненіи, послѣ крестьянской реформы, всего значенія дворянства среди устанавливающагося новаго общественнаго строя и о томъ, какъ необходимо дворянству правильно сознать это измѣненіе, стать вполне солидарнымъ съ народными интересами и формально выступить съ соотвѣтствующими заявленіями. У Аксакова и идетъ споръ съ Кошелевымъ о примѣнимости имущественнаго ценза къ будущей нашей общественной организаціи, причемъ первый рѣшительно нападаетъ на самый принципъ этого ценза, а послѣдній отстаиваетъ политическое значеніе имущественныхъ различій въ дѣлѣ представительства. Затрагивается длившееся уже больше года польское политическое броженіе, причемъ выражается мысль, что нужно точнѣе выяснить, насколько простирается сущность польскихъ притязаній, и установить такое отношеніе къ нимъ, при которомъ мы опирались бы на авторитетъ справедливости и можно было, не сводя всего дѣла къ прежнимъ способамъ механическаго давленія, вести съ поляками нравственную борьбу словомъ, опираясь на русское общественное сознаніе. Съ горячимъ сочувствіемъ откликаются проявленіямъ начинавшагося тогда народнаго движенія въ Герцеговинѣ; упоминается болгарскій церковный вопросъ; Аксаковъ громитъ „Петербургъ“ съ его ненаціональными тенденціями, не прерывающимися отъ Петровской эпохи, и т. д., и т. д. Отдѣльныя группы, подъ вліяніемъ интереса разговорныхъ темъ, часто сливаются, а временами устанавливается и общая бесѣда. Если можно было соглашаться или не соглашаться съ тѣми или другими изъ высказывавшихся мнѣній, то во всякомъ случаѣ интересъ къ этой бесѣдѣ сильно поддерживался тѣмъ, что большая часть говорившихъ высказывала мысли солидно продуманныя, прочувствованныя и относилась къ обсуждаемымъ предметамъ съ живымъ участіемъ; а такъ какъ вопросы затрагивались все живые, касавшіеся ближайшихъ злобъ дня, то рѣчи шли неумолкаемо, почти безъ перерывовъ. Все это вызывало желаніе послушать и тамъ, и здѣсь, и время летѣло незамѣтно.

Къ концу вечера накрытъ былъ въ залѣ длинный столъ, на которомъ выставили закуски, огромную рыбу, жареную дичь и вина. Гости размѣстились вокругъ этого стола, часть—за отдѣльные столики; тутъ бесѣда обратилась въ общую, и отъ говора участниковъ образовался гулъ. Главнымъ ораторомъ здѣсь былъ самъ Аксаковъ, обладавшій большимъ даромъ слова. Говорилъ онъ горячо, часто увлекательно, и его можно было заслушиваться. У него была очень живая аргументація, въ которой умственные доводы соединялись съ большимъ элементомъ чувства, и если она не чужда бывала иногда крайностей, одно-

сторонности соображеній и нѣкотораго пристрастія въ выводахъ, то вообще ей придавали не малую силу очевидная убѣжденность и страстность, при которыхъ и крайности являлись слѣдствіемъ добросовѣстнаго увлеченія. Притомъ въ значительной части присутствовавшихъ замѣтно было духовное единство съ Аксаковымъ, и если нѣкоторые временами расходились съ нимъ въ частностяхъ, то основы взглядовъ и симпатій у нихъ видимо были однѣ, такъ что въ данномъ обществѣ представлялось какъ бы ядро тогдашняго московскаго славянофильства; молодые же люди, внимательно прислушиваясь, втягивались въ сферу вліянія этой школы. Только сама редакція „Дня“ была дѣломъ не кружка, а лично Аксакова. Хотя были вліятельные сотрудники, но и номинальнымъ, и фактическимъ редакторомъ онъ былъ одинъ, имѣя подъ рукою только конторщика для исполненія порученій, и лишь изрѣдка давалъ приходившія статьи для просмотра и замѣчаній кому-либо изъ болѣе близкихъ сотрудниковъ, специализировавшихся по особымъ вопросамъ.

За столомъ засидѣлись довольно долго и расходиться стали уже послѣ двухъ часовъ ночи, почти всѣ разомъ, такъ какъ уѣхавшихъ раньше было развѣ нѣсколько единицъ. Выйдя на улицу, мы направились въ разныя стороны: одни поѣхали въ собственныхъ экипажахъ, другіе потянулись на извозчикахъ, остальные поплелись пѣшкомъ, кто въ одиночку, а кто — группами, продолжая между собою разговоры.

Совокупность впечатлѣній, вынесенныхъ въ этотъ вечеръ, была довольно значительна, такъ что они улеглись у меня не скоро. Но, разбираясь между ними невольно, — приходилось отдавать предпочтеніе Аксаковскому обществу, гдѣ чувствовалось больше жизни, инициативы и даже свободы, да и людей съ самостоятельнымъ внутреннимъ содержаніемъ встрѣчалось больше, и это сильнѣе расположило меня къ славянофильскому міру, къ которому и прежде были у меня вынесенныя изъ чтенія симпатіи. Теоріи теоріями, содержаніе высказываемаго само по себѣ, но много значить и вліяніе личнаго общенія съ людьми разной степени живости, прямоты и участливости къ жизненнымъ требованіямъ людей и времени. Вслѣдствіе того, у меня сложилось намѣреніе, въ будущія пятницы, или проводить весь вечеръ у Аксакова, или заглядывать на нѣкоторое время къ Каткову, а оттуда спѣшить къ Аксакову, чтобы досиживать тамъ вечеръ до конца. И послѣдующія встрѣчи и впечатлѣнія давали мнѣ чувствовать, что въ этомъ отношеніи я не ошибся.

Славянофильство въ ту пору переживало одинъ изъ лучшихъ

періодовъ своего существованія. Въ немъ тогда выступали на первый планъ наиболѣе симпатичныя его черты: горячая любовь къ родинѣ и русскому народу; защита правъ народностей; стремленіе къ свободѣ духовнаго развитія населенія, выражаемаго и въ широтѣ общественной дѣятельности, и въ общей свободѣ совѣсти и слова, и въ просторѣ собственно народному творчеству; живое участіе къ экономическимъ нуждамъ парода и сильное сочувствіе положенію угнетенныхъ заграничныхъ славянъ. При томъ, у представителей славянофильства было больше связи съ внутреннею жизнью разныхъ русскихъ мѣстностей, больше знанія этой жизни; у нихъ сильнѣе было, такъ сказать, чутье ея нуждъ и свойствъ,—почему послѣднія въ ихъ рѣчахъ и отражались удачнѣе. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ означенную пору, представители славянофильства свободнѣе были отъ тѣхъ пристрастій, нетерпимости и узкихъ увлеченій, какія, въ ущербъ чувству справедливости и критикѣ существующаго, стали болѣе и болѣе овладѣвать ими впослѣдствіи, частію подъ вліяніемъ разжигавшихъ страсти позднѣйшихъ событій, частію даже просто отъ дѣйствія возраста. Если были у нихъ зародыши такихъ мотивовъ, то въ описываемый моментъ означенные зародыши значительно затухивались лучшими свойствами этой общественной группы, что и содѣйствовало успѣху славянофильскихъ органовъ. Самъ я увѣренъ, что названные недостатки истекали не изъ основы воззрѣній представителей группы, а были дѣломъ личныхъ характеровъ, чѣмъ-то скорѣе московскимъ, нежели славянофильскимъ. Не мало живого сохранялось въ упомянутой группѣ и съ появленіемъ позднѣйшихъ увлеченій, хотя большее и большее обращеніе этихъ увлеченій къ узкимъ цѣлямъ, вовлекая въ ошибочныя представленія и ложные шаги, скоро стало подрывать и общественныя симпатіи къ школѣ, и ея жизненное значеніе вообще. Лѣтъ двадцать спустя въ обществѣ уже слышалось: такъ вотъ какихъ плодовъ дождались мы отъ этого дерева, когда оно стало расти свободнѣе! Остатокъ славянофильской школы забрелъ въ какой-то тупикъ, очутился въ незавидной компаніи — и наконецъ сошелъ съ горизонта, не давъ преемниковъ. — Однако, возвращаюсь къ тому, что было въ 1862 году.

Ө. Ө. Воропоновъ.

СОРОКЪ ЛѢТЪ

ТОМУ НАЗАДЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

III *).

Московская публицистика.

Въ теченіе всего 1862 года, я продолжалъ посѣщать оба литературные круга въ Москвѣ, держась преимущественно Аксаковского, и новыя впечатлѣнія отъ нихъ почти нисколько не отличались отъ первоначальнаго. Въ разныя „пятницы“ нѣсколько измѣнялся составъ посѣтителей, появлялись иногда новыя лица, но и при измѣненіяхъ Аксаковское общество отличалось сравнительно бѣльшимъ постоянствомъ, нежели Катковское, такъ что значительная часть его участниковъ не измѣняла ни одной „пятницѣ“. Собирались у Аксаковыхъ начинали еще около восьми часовъ вечера, хотя понемногу, и раньше двухъ часовъ ночи никогда не расходились. Внѣшность собраній въ обоихъ домахъ, и у Аксакова, и у Каткова, была прежняя, да и характеръ бесѣды представлялъ тѣ же отличія, особенно въ отношеніи къ степени ихъ живости; но главный интересъ, разумѣется, представляло содержаніе разговоровъ. Въ Аксаковскомъ кругу, при

*) См. выше: іюнь, стр. 757.

большей его отзывчивости къ русской жизни, не только затрогивалось большее число вопросовъ, чѣмъ въ Катковскомъ, но и обсуждались они глубже, участливѣе, и самые приемы обсужденія у тѣхъ и другихъ были неодинаковы.

Конечно, въ обоихъ обществахъ обращались къ обсуждаемымъ предметамъ съ полною серьезностью и одинаково отрицательно относились къ уродливому, мертвящему и давящему строю отжившаго прошлаго, но характерныя различія выступали, когда дѣло доходило до собственнаго творчества, до созидательныхъ усилій, направленныхъ къ способамъ выхода изъ прежняго положенія въ новое.

Въ моментъ послѣ крестьянскаго освобожденія намѣчались многіе вопросы внутренней русской жизни, напимѣръ, — объ организаціи мѣстныхъ учрежденій, о будущихъ формахъ общественной дѣятельности, о способахъ развитія сельскаго самоуправления, о преобразованіи суда, о городскомъ управленіи и т. д.; но въ Катковскомъ обществѣ преобладали, въ отношеніи къ нимъ, академическія, холодныя разсужденія съ государственной точки зрѣнія и видимо недоставало того живого чутія русской жизни съ ея наличными условіями и нуждами, о которомъ упомянуто было выше. Отношеніе къ этой жизни у Каткова больше сказывалось внѣшнее, сочинительное, тогда какъ въ Аксаковскомъ обществѣ, наоборотъ, выступали на первый планъ внутреннія, бытовыя требованія. Здѣсь больше говорили о справедливомъ равновѣсіи интересовъ, ждали большаго добра отъ призыва общественныхъ силъ, отъ большаго простора для ихъ дѣятельности, и больше вѣрили въ народную стихію, надѣясь, между прочимъ, что даже предоставленный въ волостныхъ судахъ просторъ правовому обычаю народа, при должной свободѣ его примѣненія, внесетъ свой вкладъ въ юридическую науку. Положимъ, и самые существенные вопросы въ тотъ моментъ представлялись еще недостаточно выясненными, нѣсколько туманными, и обо многомъ судили только съ высоты общихъ положеній, но не сходны бывали способы отысканія необходимаго. Затронется какой-нибудь изъ подобныхъ вопросовъ — и у Каткова выдвинутъ образцы англійскихъ учрежденій, справки о порядкахъ древняго Рима, да обнаружатъ зудъ къ сочиненію для Россіи чего-то въ родѣ аристократическаго строя; а въ Аксаковскомъ обществѣ поищутъ основаній въ наличныхъ жизнеспособныхъ элементахъ, общественныхъ данныхъ, и справятся со считающимися неутратившими жизненности корнями древняго русскаго быта, хотя въ этомъ послѣднемъ

отношеніи доходили иногда до излишества вѣры, подѣ влияніемъ пристрастія къ родной старинѣ.

Такъ же, какъ въ разговорахъ, различіе это выражалось и въ печати. Политическіе взгляды на нужды русской жизни у Каткова отражались главнымъ образомъ на „Современной Лѣтописи“, составлявшей еженедѣльное приложеніе къ „Русскому Вѣстнику“, и сравненіе ея съ Аксаковскимъ „Днемъ“ выходило характерно какъ по наружности, такъ и по содержанію. Въ „Современной Лѣтописи“ на первомъ планѣ являлись обширныя корреспонденціи изъ Лондона, Парижа, изъ Вѣны, а затѣмъ лишь временами выступали редакціонныя статьи по русскимъ вопросамъ въ объясненномъ выше духѣ, сухіе обзоры текущихъ явленій по оффиціальнымъ и газетнымъ источникамъ, да рѣдкія прямыя сообщенія корреспондентовъ изъ губерній, тоже скорѣе поверхностныя, тогда какъ, на примѣръ, сильно отражавшійся на многихъ интересахъ процессъ примѣненія „Крестьянскихъ Положеній“, возбуждавшій цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, былъ тогда въ самомъ разгарѣ. Въ „Днѣ“ же, напротивъ, русскіе вопросы составляли главное. Имъ посвящались и редакціонныя статьи, и доставленныя сотрудниками, и многія корреспонденціи изъ различныхъ угловъ Россіи, причемъ печатаніе этого матеріала очень часто сопровождалось примѣчаніями редакціи. Отзывались Калуга и Самара, Кіевъ и Нерехта, Волынь и Зарайскъ, Воронежъ и Бѣлоруссія, Ливны и Черниговъ, Смоленскъ и Донъ, Оренбургъ и Вильно и т. д. Для интересовъ же заграничныхъ славянъ существовалъ особый „Славянскій Отдѣлъ“. По содержанію, различіе обоихъ органовъ рельефнѣе можетъ быть обозначено на примѣрахъ отдѣльныхъ русскихъ вопросовъ того времени.

Мысль о необходимости новыхъ мѣстныхъ учрежденій, дающихъ просторъ общественнымъ силамъ, носилась въ воздухѣ, хотя образъ будущихъ земскихъ учрежденій, съ обозначеніемъ даже только главныхъ видовъ ихъ творчества, тогда еще не сложился и о нихъ больше говорили какъ объ *управленіи земскими повинностями*. Но на какихъ началахъ построить эти учрежденія, какъ именно организовать представительство населенія—о томъ держалось большое разномысліе. Руководимая Павловымъ и Чичеринымъ газета „Наше Время“ высказалась разъ въ томъ смыслѣ, что основою тутъ должна быть прежняя сословность. Противъ этого выступила Катковская „Современная Лѣтопись“. По ея словамъ, даже англійскіе публицисты считаютъ вредными „горизонтальныя“ дѣленія народа, подходящія къ категоріи кастъ и сословій, такъ какъ они разъединяютъ народъ, дѣля его на слои,

лежащіе одинъ на другомъ и другъ друга давящіе, и при такомъ устройствѣ политическая борьба ведетъ къ потрясеніямъ вулканическаго характера. Предпочтительнѣе другое положеніе, при которомъ горизонтальныя дѣленія утратили политическое значеніе, и политическія группы приняли характеръ не сословій, а *партій*, охватывающихъ всѣ классы народа и раздѣляющихъ каждый изъ нихъ на части „вертикально“ разграничивающею чертою. Не высказываясь прямо о положеніи дворянскихъ собраний, Катковская газета считала лучшимъ шагомъ къ новой комбинаціи устройство—вмѣсто посословныхъ—земскихъ выборовъ, и управленіе земскими повинностями посредствомъ не депутатовъ отъ отдѣльныхъ сословій, а лицъ, избранныхъ *совокупностью* сословій. Такъ, полемика о „горизонтальномъ“ и „вертикальномъ“ началахъ протянулась нѣкоторое время, но до болѣе конкретныхъ формъ не дошла; впослѣдствіи же сбивчивость представленій успѣла еще выразиться въ томъ, что разъ та же Катковская газета выдвинула даже мысль, что земскія учрежденія можно устроить въ видѣ измѣненія наличныхъ губернскихъ правленій.

Напротивъ, Аксаковъ прямо и рѣшительно началъ съ упраздненія прежней роли дворянства. По тогдашнему его мнѣнію, дворянство, созданное изъ *служилой, дружинной* массы, главнѣйшею и существеннѣйшею привилегіею имѣло право владѣть землею и людьми, личною и трудомъ крестьянъ; съ упраздненіемъ же этого основного атрибута сословнаго достоинства, „распущенная дружина обращается домой—въ земство“, а тамъ только двѣ дѣйствительно бытовыя стихіи: община и личность, общинники-крестьяне и личные землевладѣльцы; другихъ же дѣленій не предвидится. Съ утратою сословіемъ исторической почвы, дворянству слѣдуетъ, проникнувшись сознаніемъ такого положенія, отрѣшась отъ безплодныхъ сожалѣній и „духа сословной гордости и исключительности“, устранить перегородки, отдѣляющія его отъ народа въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ. Въ результатѣ, дворянству предлагалось „торжественно, предъ лицомъ Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, *какъ сословія*“, съ указаніемъ, что „всякое иное рѣшеніе отзовется вредными послѣдствіями для самого же дворянства“. Такъ смотрѣли на дѣло наиболѣе выдающіеся славянофилы въ началѣ 1862 года. На это скоро послѣдовалъ откликъ „Сѣверной Почты“ (тогдашняго органа Валуевского министерства внутреннихъ дѣлъ), сущность котораго, однако, заключалась лишь въ уклончиво-канцелярскомъ замѣчаніи, что подобныя статьи „не выражаютъ мысли правительства, не согласны со смысломъ новыхъ узаконеній и

не соотвѣтствуютъ правильному развитію проистекающихъ изъ нихъ послѣдствій“. „Современная Лѣтопись“, въ свою очередь, слегка и туманно возразила „Дню“, но главнымъ образомъ противорѣчила обратной крайности, а именно—Б. Чичерину, продолжавшему настаивать на удержаніи въ земскомъ устройствѣ всѣхъ сословныхъ отличій, какъ они у насъ существовали.

Къ тому же земскому вопросу примкнулъ и вопросъ объ имущественномъ цензѣ, который тогда затрогивался еще въ примитивныхъ основаніяхъ. Аксаковъ поставилъ ребромъ самый его корень, высказавъ, что не видитъ для идеи этого ценза никакой нравственной основы. Трудно понять,—говорить онъ,—почему обладающій большимъ имуществомъ долженъ быть болѣе способенъ, разуменъ и надѣленъ тѣми качествами, какія необходимы для полезнаго участія въ общественномъ дѣлѣ. Если въ цензѣ видятъ обезпеченіе болѣе консервативности, то вѣдь консерватизмъ не тождественъ со справедливостью и общою пользою; вообще же имущественный цензъ, предполагающій въ имуществѣ и признакъ, и мѣрило нравственныхъ свойствъ, отдающій богатому, хотя бы безпутному, предпочтеніе предъ бѣднымъ, хотя бы достойнымъ, выражаетъ собою начало „безнравственное“. Нужно,—говоритъ онъ,—чтобы крестьянскія общества въ дѣлахъ, собственно ихъ касающихся, пользовались полнымъ самоуправленіемъ, а личные владѣльцы могли имѣть свои собранія, заняться ихъ собственными интересами, но для дѣлъ общихъ тѣмъ и другимъ необходимы общія ихъ собранія по округамъ, дѣйствующія посредствомъ выборныхъ. Аксаковъ еще допускалъ въ принципѣ цензы даже разной величины, но—единственно для того, чтобы яснѣе различать интересы образуемыхъ такимъ способомъ группъ, а никакъ не для подавленія голосовъ бѣдныхъ богатыми. Противъ этого въ „Днѣ“ же выступилъ собственный его сотрудникъ—Кошелевъ, выдвигавшій другого характера оригинальную мысль, по которой всякое благоустроенное государство должно охранять и покровительствовать „меньшинство имущихъ“ на томъ основаніи, „чтобы поощрять другихъ ко вступленію въ него и стремиться къ тому“, чтобы такимъ образомъ „всѣ, наконецъ, сдѣлались имущими“; т.-е. средствомъ къ распространенію зажиточности выставлялось ограниченіе правъ! Отсюда выводилось, что неимущіе и малоимущіе должны образовать „особое состояніе“, съ отдѣльными представителями и распорядителями. Кошелевъ, впрочемъ, скоро отсталъ, заявивъ о какомъ-то соглашеніи съ „Днемъ“, а Катковская газета, возражая и Аксакову, и Кошелеву, и ссылаясь на образцы древняго Рима, тоже

ухватилась за мысль о нѣсколькихъ цензахъ разной величины, но... для рекомендаціи такого порядка, при которомъ бы представители меньшаго ценза занимались самыми мелкими дѣлами, а обладатели высшаго имущества получали роль, свойственную „аристократіи“. Вотъ среди какихъ первоначальныхъ соображеній витала еще тогда идея ценза, но соображенія эти характерны были въ томъ отношеніи, что показывали — кто чего искалъ. Здѣсь—равновѣсіе интересовъ, тутъ—сословная похоть или гегемонія имущественности, а тамъ—аристократическія мечтанія.

Принципіальный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ народа, общества и государства разсматривался въ цѣломъ рядѣ статей „Дня“, и эти отношенія представлялись такъ. „Народъ“ есть совокупность всѣхъ различныхъ классовъ населенія страны, составляющая цѣльный духовный организмъ. „Общество“ — та среда, въ которой умственная дѣятельность народа совершается сознательно, т.-е. это—народъ на второй ступени своего развитія, „народъ самосознающій“, представляющій совокупную дѣятельность выдѣляемыхъ народомъ живыхъ силъ, орудіе же дѣятельности общества — слово, свобода котораго такъ же необходима, какъ свобода дышать, ѣсть и двигаться. „Государство“ — начало дѣятельности внѣшней, умѣряемое вліяніемъ внутренней силы общества, которое и полагаетъ ему нравственные предѣлы. Поэтому мысль должна принадлежать обществу, а дѣйствіе—правительству. Государство образно уподоблялось корѣ на деревѣ: если вся сила дерева пойдетъ въ кору, то кора крѣпнетъ и толстѣетъ, но при этомъ сжимается и слабѣетъ сердцевина, что готовитъ гибель всему дереву съ корою, такъ какъ послѣдняя можетъ задушить древесную жизнь; какъ противъ отолщенія коры нѣтъ другого средства, кромѣ возбужденія дѣятельности прочихъ органовъ, такъ и государство, противъ его болѣзненнаго роста внутрь, можетъ быть спасаемо только живымъ обществомъ съ его свободою слова, свободою критики и дѣятельности. А потому главнѣйшій интересъ—возможно большее нравственное усиленіе общества.

Особенно характерно отъѣнялись отношенія къ польскому дѣлу. Положеніе его тогда еще далеко было отъ того крайняго обостренія, какого оно скоро достигло подъ вліяніемъ наступившихъ рѣзкихъ событій. На лицо были пока извѣстныя манифестаціи въ Варшавѣ и разныхъ мѣстахъ Западнаго края, да нѣкоторыя документальныя заявленія. При недостаточномъ еще обозначеніи сущности тогдашнихъ польскихъ стремленій, среди русскаго общества полякамъ симпатизировали даже многіе, хотя

имъ неясно было, идетъ ли дѣло только о свободной національной жизни Царства Польскаго, или о болѣе широкихъ притязаніяхъ. Спокойнѣ относилась къ полякамъ и печать. Манифестаціи, конечно, порицались въ московскихъ кружкахъ, но вообще мнѣнія заходили немногимъ дальше. У Каткова факты разсматривались, такъ сказать, съ внѣшней обсерваторіи, съ государственной точки зрѣнія; но Аксаковъ относился къ этому дѣлу съ болѣе широкимъ внутреннимъ участіемъ, такъ какъ тутъ сталкивались интересы „народностей“. Правда, онъ успѣлъ уже высказать рѣзкія слова: „безумные поляки, какъ вы торопитесь затушить всякую искру сочувствія, которую могла бы зажечь въ единоплеменныхъ братьяхъ ваша любовь къ родинѣ... безумьемъ, какъ Божіею карою, пораженные поляки!..“ — по это было по поводу вынырнувшихъ гдѣ-то заявленій о польскихъ притязаніяхъ на Кіевъ, Волинь, Черниговъ и Смоленскъ. Однако, онъ стремился къ возможному выясненію степени справедливости и основательности взаимныхъ русско-польскихъ счетовъ по существу, желалъ для самихъ поляковъ возможности высказываться свободно и даже вызывалъ ихъ на откровенное объясненіе. „Намъ слѣдуетъ, — высказывалъ онъ печатно, — добиться правды въ нашихъ отношеніяхъ къ полякамъ, а для этого — узнать отъ нихъ самихъ толкомъ, чего они хотятъ?“ ... „Вполнѣ откровенная литературная полемика всего сильнѣе, всего чище, могла бы способствовать разъясненію дѣла и вразумленію нашей собственной *недоумывающей совѣсти*“; желательно „мирное, братское обсужденіе междуплеменныхъ взаимныхъ правъ и отношеній... и если поляки въ состояніи переродиться, покаяться въ своихъ историческихъ заблужденіяхъ и стать славянскимъ мирнымъ народомъ, то, конечно, русскій народъ былъ бы радъ видѣть въ нихъ добрыхъ родственныхъ сосѣдей“. Тонъ этого приглашенія, очевидно, былъ далекъ отъ того крайняго раздраженія, въ какое скоро впалъ тотъ же Аксаковъ, когда событія расшевелили страсти, да и самая попытка спокойно и серьезно объясниться, вмѣсто того чтобы считаться только орудіями внѣшней борьбы, выражала новое и лучшаго достоинства отношеніе къ взаимнымъ племеннымъ счетамъ. И подобная печатная полемика была еще возможна въ 1862 году.

Вызовъ не остался, однако, безъ отвѣтовъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Скоро въ газетѣ „День“ появилась обширная статья польскаго писателя Грабовскаго, написанная въ аристократическомъ духѣ. Политическое право польскаго меньшинства помѣщиковъ и примыкающихъ къ нимъ элементовъ на За-

падный край она основывала на томъ, что тамошніе поляки, по давнему происхожденію,—не пришлые люди, а тѣ же мѣстные жители, только давно перемѣнившіе свою національность на польскую и православіе—на католицизмъ,—главнымъ образомъ, по мотивамъ выгоды;—и что между поляками и остальною массою мѣстнаго населенія образовалась уже жизненная связь; церковная унія XVII вѣка, въ этой статьѣ, представлялась необходимою реформою, а въ возстаніи противъ Польши Хмельницкаго и другихъ такихъ же народныхъ движеній отрицался характеръ борьбы за національную независимость, и эти возстанія пренебрежительно назывались простыми крестьянскими „бунтами“, которые только не удалось подавить. Выступили статьи и другихъ поляковъ, между прочимъ, съ укорами, что подъ русскою властью населеніе края страдало отъ административныхъ притѣсненій, отъ откуповъ и т. под., на что Аксаковъ отвѣтилъ признаніемъ дѣйствительности указываемаго зла, но съ объясненіемъ, что оно не имѣетъ отношенія къ національнымъ счетамъ, такъ какъ касается не спеціально поляковъ, а представляетъ общее русское зло: „мы терпимъ еще больше и негодуемъ еще сильнѣе, мы безпощадно обличаемъ язвы своей страны, ея ложь и неправды“... А одновременно съ непріязненными выступили изъ Кіева отклики другой, хотя и маленькой польской фракціи, относившейся къ дѣлу уже не съ аристократической или сословной, но съ народной точки зрѣнія. Напримѣръ, полякъ Горжалчинскій высказывался такъ: „Полякъ долженъ имѣть въ виду народныя потребности, онъ долженъ быть русскимъ, когда рѣшаются народныя вопросы... Только тогда помѣщики будутъ представителями народа, когда станутъ за народъ и права его народности“. Изъ сотрудниковъ „Дня“ наиболѣе безпристрастенъ къ полякамъ былъ В. А. Елагинъ, не мало спорившій по этому вопросу въ Аксаковскомъ кругу и не остававшійся безъ умѣряющаго вліянія на редакцію. Проводя параллель между поляками и русскими, Елагинъ особенно отгѣнялъ различіе у тѣхъ и другихъ государственнаго и общественнаго началъ: польское государство было съѣдено,—говорилъ онъ,—но польское общество дѣятельно, и его нельзя упрекнуть въ равнодушія къ своему національному дѣлу; а у насъ государство укрѣпилось, но общество страдаетъ слабостью и недугами. Однако, открывшаяся-было русско-польская разъяснительная полемика не успѣла развиваться и скоро оборвалась подъ вліяніемъ событій, давъ только интересное начало.

Къ современнымъ заботамъ малоруссовъ о развитіи своего

языка отношеніе московскихъ литературныхъ круговъ тогда еще не вполне опредѣлилось. Только Катковъ успѣлъ уже высказаться непріязненно, а Аксаковъ еще собирался обстоятельно разобраться въ этомъ дѣлѣ по существу или самъ, или черезъ своего сотрудника Гилярова-Платонова, такъ что я помню лишь тогдашніе его словесные отзывы. Онъ вообще находилъ малорусскія стремленія ложными, полагая, что слѣдуетъ, напротивъ, стараться о наибольшемъ объединеніи двухъ русскихъ племенъ, которыя при нѣкоторыхъ своихъ различіяхъ хорошо дополняютъ другъ друга. Къ малорусскому же народу онъ относился вполне сочувственно. Сопоставляя малорусскій лиризмъ и индивидуализмъ съ великорусскимъ духомъ общиннаго единства, сказавшимся въ исторіи глубокимъ политическимъ инстинктомъ и твердостью въ отстаиваніи своей духовной самостоятельности, — проявленную хотя бы въ расколѣ, — Аксаковъ опредѣлялъ различіе этихъ племенъ такъ: великорусскій народъ — духовнѣе, а малорусскій — душевнѣе.

Затрогивался и еврейскій вопросъ, но только въ „Днѣ“. Исходя изъ того, что у христіанъ и евреевъ разные просвѣтительные источники, — евангеліе и талмудъ, причемъ въ послѣднемъ есть не мало нравственно безобразнаго, — а также, что подобные источники вообще руководятъ частнымъ, общественнымъ и государственнымъ бытомъ, просвѣщеніемъ и законодательствомъ, „День“ заключалъ, что съ этимъ должно сообразоваться и распредѣленіе правъ въ государствѣ. „Вѣротерпимость“ — доказывалъ онъ — необходима, но она существенно отличается отъ „вѣроугодливости“, выражаемой, напр., въ томъ, еслибы христіане, не ограничиваясь предоставленіемъ чужой вѣрѣ простой свободы, стали сами хлопотать о преуспѣяніи еврейства. Отсюда выводилось, что если евреевъ и можно допускать къ государственнымъ должностямъ, то не къ тѣмъ, гдѣ ихъ власти подчиняется бытъ христіанъ, не къ участию въ законодательствѣ, администраціи и народному представительству. Этимъ вызваны были въ „Днѣ“ же возраженія нѣкоторыхъ образованныхъ евреевъ (между прочимъ, покойнаго Португалова), которые заявляли, что если безобразія и есть въ талмудѣ, то послѣдній вовсе не имѣетъ такого авторитетнаго значенія и представляетъ сводъ взаимныхъ противорѣчій, почему еврейская интеллигенція — болѣею частью даже не знающая талмуда — не повинна въ солидарности съ дикимъ элементомъ талмудическихъ толкованій. Впрочемъ, и самъ Аксаковъ, среди этой полемики, высказывался за предоставленіе евреямъ не только свободы быта, самоуправленія и

просвѣщенія, но и права жить повсемѣстно въ Россіи. Позже, онъ впадалъ уже въ болѣе ограничительныя тенденціи, но какъ велико разстояніе отъ упомянутыхъ мотивированныхъ заключеній до той пошлой, низменной травли, какою стали отличаться нѣкоторые органы нашей печати въ позднѣйшія десятилѣтія! Припоминаю, по поводу упомянутой полемики, еще оригинальный случай мистификаціи. Когда появилась въ „Днѣ“ первая статья о еврействѣ, вдругъ Аксаковъ получаетъ статью за подписью „Александровъ“ и помѣченную изъ г. Бугульмы, гдѣ, между прочимъ, приводились подтвердительныя извлеченія изъ талмуда. Принявъ Александра за ученаго спеціалиста по гебраизму, Аксаковъ придалъ этой статьѣ особенное значеніе и не замедлилъ помѣстить ее въ своей газетѣ, а потомъ обнаружилось, что авторъ статьи—двоюродный братъ его, Ал. Ник. Аксаковъ, и прислалъ ее не изъ Бугульмы, а съ той же Спиридоповки, на которой помѣщалась и редакція „Дня“. Въ этомъ Ал. Ник., дѣйствительно интересовавшійся тогда еврействомъ, самъ же и признался своему брату.

Я привелъ очеркъ объясненныхъ мнѣній какъ потому, что они, касаясь ближайшихъ вопросовъ того времени, характеризуютъ, до извѣстной степени, взгляды московскихъ литературныхъ круговъ въ наиболѣе спокойное, мирное для нихъ время, предъ приближавшимися переломами, такъ и потому, что самъ жилъ тогда въ сферѣ сужденій о такихъ предметахъ. Знакомствъ въ ту пору я пріобрѣлъ въ Москвѣ еще очень мало и, за исключеніемъ означенныхъ кружковъ, проводилъ время въ библіотекахъ, въ усиленномъ чтеніи дома, въ рѣдкихъ посѣщеніяхъ новыхъ знакомцевъ и въ ознакомленіи съ внѣшними особенностями московской жизни.

Между послѣдними помню тогдашнія публичныя чтенія въ „Обществѣ Любителей Россійской Словесности“. Интересъ къ нимъ поддерживался тѣмъ, что они представляли одно изъ немногихъ періодическихъ умственныхъ развлеченій Москвы, почему привлекали большую и разнообразную публику: тутъ бывали представители литературы и науки, московскіе тузы, средній интеллигентный людъ, студенты и много дамъ. Билеты для входа на чтенія выдавалъ бесплатно секретарь общества Лонгиновъ у себя на квартирѣ, на Пречистенскомъ бульварѣ. Въ назначенное утро соберется публика въ университетской залѣ, раздастся зычный голосъ Лонгинова, возвѣщающій предварительный протоколъ съ рѣшеніемъ прочитать въ данный день то-то и то-то, а затѣмъ выступить съ рѣчью опирающійся на посохъ

предсѣдатель Погодинъ. Обращался онъ обыкновенно къ политическимъ и литературнымъ „злобамъ дня“ и рѣчь его пестрѣла довольно разнообразными элементами. Бывали въ ней очень мѣткія замѣчанія и напыщенные фразы, хвалительный тонъ перемежался съ негодующимъ противъ нѣкоторыхъ господствовавшихъ въ политическомъ мірѣ мотивовъ и рѣзко враждебнымъ по адресу литературныхъ группъ, съ которыми Погодинъ считался; слышались порою крѣпкія выраженія; говорилось и вполне заслуживавшее сочувствія, — словомъ, рѣчи имѣли такой же смѣшанный характеръ, какимъ отличался и самъ Погодинъ. Потомъ Лонгиновъ прочтетъ отрывокъ изъ какихъ-либо воспоминаній, иногда собственныхъ, съ тенденціознымъ осложненіемъ; Аксаковъ прочтетъ приготовленную для „Дня“, но встрѣтившую цензурныя затрудненія статью, и часть засѣданія, такимъ образомъ, получаетъ публицистическій характеръ; затѣмъ, кто-нибудь изъ литературныхъ старцевъ подѣлится съ публикою невиннѣйшимъ по содержанію стихотвореніемъ или легкою замѣткою о какомъ-либо давнемъ поэтѣ, — все это поочередно вызоветъ аплодисменты, а тамъ публика расходится.

Памятно мнѣ и совсѣмъ другого рода своеобразное московское явленіе — богословскіе споры въ Кремлѣ на Святой недѣлѣ. Ведутся они изстари, привлекая много православныхъ и раскольниковъ различнѣйшихъ толковъ. Встрѣтивъ первый разъ подобное явленіе, нельзя было имъ не заинтересоваться. Придя на второй день Пасхи въ Кремль, я увидѣлъ въ разныхъ мѣстахъ тѣсно сплотившіяся кучки народа. Вотъ тутъ-то, подъ открытымъ небомъ, и шли диспуты, въ которыхъ принималъ участіе каждый желающій. Чаще всего рѣчь заходила о такихъ старинныхъ спорныхъ пунктахъ, какъ двуперстіе и трехперстіе или сугубая и трегубая аллилуя, но иногда доходили и до монофизитства, монофелитства, а изрѣдка появлялись между толкователями даже такіе отрицатели, которые приводили слушателей въ крайнее негодованіе. Выступали раскольничьи начетчики; случалось, показывался и православный священникъ; иногда въ разгаръ спора кто-нибудь сошлетъ на рѣдкую книжицу, пообѣщаетъ принести ее на слѣдующій день и дѣйствительно приносить, послѣ чего вчерашнее преніе возобновляется. У всѣхъ видно стараніе вести споры какъ можно миролюбивѣе, но случалось, что чья-нибудь натура не выдержитъ и разразится грубѣйшею выходкою, вскорѣ послѣ которой, за успокоеніемъ, слѣдуетъ извиненіе съ оправданіемъ, что вспылить-де, стараясь объ истинѣ, и съ просьбою не сердиться, отвѣтъ на что обычно-

венно получался снисходительный, дружелюбный. Кучки собирались, сливались, раздѣлялись и расходились въ теченіе всего дня, а особенно сгущались около вечеренъ. Бывало, что съ религіозной точки зрѣнія касались и житейскихъ явленій. Заходили прислушиваться къ спорамъ и образованные люди, а по преданію не малое участіе въ нихъ принималъ извѣстный славянофилъ Хомяковъ. Я слѣдилъ за этими преніями всю Святую недѣлю, и почти каждый день удавалось услышать что-нибудь новое, характерное. Между прочимъ, особенно помню одного горячаго спорщика, появлявшагося въ центрѣ кучекъ нѣсколько разъ: самый простой по виду человѣкъ, въ старомъ зипунѣ, это былъ такой отрицатель, что многихъ приводилъ въ ужасъ. Справками изъ писанія онъ такъ и сыпалъ, но для того, чтобы отвергать и чудеса, и Божіе человѣколюбіе, изрекалъ даже хулы, за что его уже прямо ругали, а на послѣдокъ—какъ мнѣ передавали—даже побили, но онъ встрѣчалъ подобную враждебность съ терпѣніемъ, какъ будто свысока.—Кто онъ такой?—спрашиваю:—книжникъ записной, что-ли?—Просто шорникъ съ Тверской,—отвѣтили мнѣ.

Время, однако, шло и приближался затишный для Москвы лѣтній періодъ, на который многіе собирались выѣзжать, кто въ деревню, а кто на дачу. Это затишье и меня побудило уѣхать гостить на лѣто въ одну изъ подмосковныхъ губерній, слишкомъ за двѣсти верстъ отъ Москвы. Тамъ я попалъ въ уѣздный міръ, гдѣ вращался среди помѣщиковъ, мировыхъ посредниковъ, и старался по возможности наблюдать крестьянскую жизнь, не переставая слѣдить за ходомъ явленій въ мірѣ печати, куда мнѣ предстояло скоро вернуться.

IV.

Уѣздный уголь.

Развернулись предо мною картины изъ совѣмъ другой области тогдашней русской жизни.

Уѣздъ, въ который попалъ я, былъ не захоластный и, по составу общества, не безынтересный. Конечно, въ помѣщичьей средѣ было „всякаго жита по лопатѣ“; водились и почти дикіе по понятіямъ помѣщики, но встрѣчались и люди образованные, слѣдившіе за ходомъ государственной и общественной жизни, много читавшіе и интересовавшіеся порядками заграничныхъ странъ; на лицо было не мало и разныхъ промежуточныхъ об-

щественныхъ оттѣнковъ, такъ что можно было находить кружки, подходящіе къ различнымъ требованіямъ.

Духъ реформъ успѣлъ тогда значительно измѣнить внѣшность общественной жизни. У иныхъ совершался переломъ общественныхъ понятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ получала распространеніе въ обществѣ и фраза, часто затруднявшая или даже устранившая искренность рѣчи. Въ обращеніе вошли клички: „консерваторъ“, „либералъ“, „передовой“, „отсталой“; старые приемы дѣйствія получали подновленные названія; интрига переименовалась въ „агитацію“, принятіе группами рѣшеній въ „вотиrowаніе“, но вообще какъ въ болѣе широкихъ кругахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ ограниченныхъ кружкахъ доминировали рѣчи либеральныя. Сочувствіе „прогрессу“, ироническое отношеніе къ недавнему прошлому и сохранившимся его сторонникамъ, рѣзкая критика современныхъ порядковъ съ пожеланіемъ коренного измѣненія жизненнаго строя—выражались громко, однако и розни было довольно. Если у однихъ либеральныя рѣчи соотвѣтствовали ихъ дѣйствительнымъ понятіямъ, то у другихъ подобныя рѣчи бывали дѣломъ своего рода „моды“, вліяніе которой доходило до того, что либеральничали даже иные несомнѣнные крѣпостники: мужикамъ, молъ, дали свободу—надо и намъ свободы, да побольше участія въ общихъ дѣлахъ страны. Но и крѣпостники заявляли себя неодинаково.

Болѣе упрямые и искренніе изъ крѣпостниковъ рѣшались еще открыто высказывать свои мысли и чувства, иногда даже очень простодушно. Помню, напримѣръ, одного старика, у котораго, по рассказамъ, при первой вѣсти о совершившейся уже отмѣнѣ крѣпостного права, вырвалось восклицаніе: „Неужели правда? Хоть бы дали мнѣ прежде спокойно умереть, а тамъ пусть бы себѣ дѣлали, что хотятъ!“ Другой старецъ, благоговѣвшій предъ преданіями старины, съ полною наивноcтью выражалъ мнѣ разъ свои недоумѣнія: „Что это у насъ теперь за порядки пошли? Я, помѣщикъ, дворянинъ, не смѣй ударить своего человѣка, а позовутъ его въ волость, тамъ мужики будутъ его судить и накажутъ; я—не могу, а простой мужикъ его сѣчетъ! Значить, у меня, дворянина, изъ рода въ родъ здѣшняго помѣщика, меньше права, чѣмъ у мужика. Вѣдь это даже смѣшно! Скажите, пожалуйста мнѣ, куда это насъ ведутъ? Нѣтъ, прежде бы до этого не допустили!“—заклучилъ съ горькою улыбкою старецъ, указывая на висѣвшій въ его кабинетѣ большой портретъ Екатерины, на который онъ чуть не молился. Но осторожные и политичные крѣпостники, находя неловкимъ явно

противорѣчить новому духу, предпочитали иронически прималчивать, отводя душу въ болѣе тѣсномъ кружкѣ единомышленниковъ, гдѣ можно говорить откровеннѣе. Слушая чужія громкія рѣчи, такой крѣпостникъ, бывало, улыбается, въ полголоса приговаривая: „Кого это вы морочить хотите? И цѣли ваши, и люди вы—прежніе, только норовите прикрыть свои дѣлишки новою, подкрашенною формою; ну, да посмотримъ еще, долго ли вы на этой позиціи удержитесь“! Вообще, судя по однѣмъ рѣчамъ, не сразу можно было различать степени искренности высказываемыхъ сужденій, и только тѣ или другія личныя дѣйствія да наступившія скоро переменныя разсужденій разъясняли уже—кто говорилъ то, что думалъ, и кто лишь подчинялся модѣ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, либеральный тонъ въ описываемый моментъ казался господствующимъ.

Знакомство съ помѣщичьимъ кругомъ облегчалось тѣмъ, что большинство его проявляло тогда общительность. Еще въ концѣ зимы, около масляницы, многіе помѣщики перебрались на время изъ своихъ деревень въ городъ, дѣлали тамъ другъ другу визиты и собирали у себя вечерами знакомыхъ. Сегодня соберутся у одного, завтра у другого, потомъ у третьяго; но общенія по кружкамъ оказалось недостаточно, и потому устраивались еще общія танцевальныя собранія, любительскіе спектакли и даже литературныя чтенія. Инициаторы сочли нужнымъ привлечь къ общенію еще городское купечество на томъ основаніи, что „въ настоящее время“ необходимо, оставивъ сословную кичливость, стремиться къ сближенію сословій. И купцы оказались отзывчивы. Просидѣвъ день въ бакалейной, красной или рыбной лавкѣ, купецъ къ вечеру облакался во фракъ и являлся поглядѣть на танцы или послушать Некрасовское стихотвореніе да Тургеневскій и Щедринскій рассказы, или полюбоваться Гоголевскою „Женитьбою“ на сценѣ, а купеческія дамы и дѣвицы отплясывали съ дворянами на славу, знакомясь тутъ же съ помѣщиками и чиновницами.—„Хорошо насъ приняли дворяне,—отзывались представители купечества,—мы *ими* очень благодарны“. Съ наступленіемъ же лѣта, общеніе поддерживалось въ другой формѣ,—хотя только мужское,—главнымъ образомъ мировыми съѣздами, которые представляли тогда первый образецъ публичныхъ засѣданій. Съѣзды эти собирались два раза въ мѣсяцъ, и на нихъ появлялось изъ уѣзда не мало помѣщиковъ, привлекаемыхъ интересомъ общаго для всѣхъ ихъ дѣла; заходили туда же и городскіе жители, такъ что въ залѣ съѣзда образовывалась большая публика, и мировой съѣздъ до нѣкоторой

степени усвоивалъ характеръ своего рода общественнаго развлеченія. При такихъ частыхъ и людныхъ собраніяхъ, довольно было вначалѣ знать двухъ-трехъ помѣщиковъ, чтобы скоро расширить кругъ своего знакомства и, слушая много разговоровъ, вникать въ міръ мѣстныхъ дѣлъ и отношеній.

Среди новыхъ вѣяній, однако, почти во всѣхъ группахъ усматривались и грубые остатки прежнихъ нравовъ. Общество это кипѣло внутренними интригами и борьбою партій, только не принципиальныхъ, а личныхъ и дѣйствовавшихъ временами довольно грубо. Не много нужно было повращаться въ этой средѣ, чтобы замѣтить, какая масса накопилась тамъ личныхъ и партійныхъ счетовъ. Все это иногда раздражалось очень неприглядными столкновеніями въ общественныхъ собраніяхъ или даже при случайныхъ встрѣчахъ. У людей погрубѣе, повзрывчатѣе, эти столкновенія доходили даже до самой крайней формы скандала, а другіе пробирали другъ друга заочно или въ глаза, взводя одинъ на другого различныя обвиненія или передавая компрометирующіе рассказы о прошломъ противниковъ. Такъ и слышалось: партія такого-то помѣщика, партія этого и т. под. Слушая представителей той или другой партіи, мудро было разбирать, какіе изъ пристрастныхъ отзывовъ вѣрнѣе и кто именно въ данномъ случаѣ правъ, но была въ глаза обостренность счетовъ. Разъ, невлюбившая за что-то одного изъ мировыхъ посредниковъ партія устроила ему грандіозную сцену: во время пріѣзда губернатора, на мировомъ съѣздѣ вывалили на этого посредника цѣлую кучу грязи, публично обвиняя его и въ мелкомъ взяточничествѣ, и въ какихъ-то другихъ гадостяхъ. Изъ этого возникло дѣло, появился осуждающій эту исторію административный циркуляръ, данное происшествіе проникло въ печать, но въ чемъ состояла фактическая подкладка обвиненій—достаточно не разъяснилось, такъ какъ на виду осталось лишь то, что дѣло заглохло, и посредникъ удержался на мѣстѣ, продолжая дѣйствовать въ одной коллегіи съ своими обвинителями.

Зато, среди тѣхъ же волненій обнаруживалась и измѣнчивость человѣческихъ отношеній. Случались перебѣжки изъ партій въ партію, ярые противники мирились и сближались между собою и т. под. Мѣнялись и общественныя оцѣнки. Зналъ я тамъ, между прочимъ, одного богатаго помѣщика З—го, который часто бывалъ предметомъ очень насмѣшливыхъ отзывовъ. Зло трунили надъ его крѣпостничествомъ, рассказывали комичные анекдоты объ его скопидомствѣ и разныхъ, бывавшихъ съ нимъ, житейскихъ случаяхъ. Судя по обилію и характеру этого матеріала,

можно было думать, что ему совсѣмъ закрыты пути къ какому-либо успѣху въ обществѣ своего уѣзда. Но З., ведя свою линію, отличался большою выдержкою, къ выходкамъ относился спокойно и дождался своего торжества. Года полтора послѣ описываемаго времени, когда уѣздное большинство свалило прежняго предводителя, вдругъ въ собраніи предложили его кандидатуру. З. съ достоинствомъ отозвался, что его кандидатура едва ли будетъ удобна, такъ какъ онъ, — говоря откровенно, — по убѣжденіямъ „консерваторъ, т.-е., въ русскомъ переводѣ, — крѣпостникъ“. — „Вотъ, вотъ такого намъ теперь и нужно, надоѣли уже другіе“, — слышалось съ разныхъ сторонъ, между прочимъ, отъ недавнихъ противниковъ и насмѣшниковъ, и въ результатѣ З. надолго украсилъ собою предводительское кресло уѣзда, поддерживаемый одобреніемъ плотнаго большинства. Натура взяла свое.

Мировой съѣздъ въ описываемое время сосредоточивалъ на себѣ главный интересъ въ уѣздѣ, особенно потому, что это была самая горячая пора „уставныхъ грамотъ“. По Положенію 19 февраля, на составленіе и введеніе этихъ грамотъ по каждому имѣнію предоставлялось два года, но на практикѣ дѣло затягивалось, и первый годъ въ этомъ отношеніи прошелъ совсѣмъ безрезультатно. Большинство помѣщиковъ относилось къ грамотамъ неумѣло, недоразумѣній и попытокъ къ одностороннему устройству дѣлъ было довольно, недовѣрчивые крестьяне на соглашенія не шли, а кромѣ того у помѣщиковъ проявлялся даже нѣкоторый интересъ къ затяжкѣ, такъ какъ до введенія уставной грамоты, сокращавшей крестьянскія повинности, можно было пользоваться послѣдними съ большею выгодною. Но на второй годъ медлить было уже нельзя и выходъ изъ томительнаго переходнаго положенія начался массовой. Мировые посредники имѣли право, послѣ повѣрки представленныхъ помѣщиками уставныхъ грамотъ, сами вводить ихъ въ дѣйствіе, если дѣло не представляло какихъ-либо осложнений; но когда предполагались отрѣзки отъ надѣла, перемѣны участковъ и при нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ — требовалось представленіе грамотъ на обсужденіе мирового съѣзда. А такъ какъ подобныхъ случаевъ на практикѣ встрѣчалось много, то съѣздъ заваливался подобными дѣлами, и лѣто 1862 года представлялось моментомъ самой напряженной дѣятельности этого рода. Помѣщика интересовала не только своя уставная грамота, но и чужія, потому что рѣшеніе чужого дѣла являлось предвѣстіемъ для исхода его собственнаго, коль скоро оно имѣло съ нимъ сходство по обстоятельствамъ.

Все это увеличивало составъ публики на съѣздахъ, возбуждало много разговоровъ, споровъ, и вообще поддерживало оживленіе уѣздной жизни.

Что же касается состава мировыхъ посредниковъ, то какъ ни новъ онъ былъ, а уже представлялъ измѣненіе противъ первоначальнаго, такъ какъ на немъ успѣло отразиться давленіе помѣщичьей среды. Хотя посредники назначались не путемъ дворянскихъ выборовъ, а на основаніи соглашенія губернатора съ предводителями и, будучи утверждены сенатомъ, не могли подвергаться увольненію помимо сената же, но юридическая прочность ихъ положенія на практикѣ нерѣдко уступала вліянію помѣщичьяго недовольства, вопреки которому оставаться на мѣстѣ рѣшался не всякій. Такъ было и въ нашемъ уѣздѣ. На происходившихъ за нѣсколько мѣсяцевъ до описываемаго времени дворянскихъ выборахъ помѣщики одного посредника благодарили за дѣятельность, а другому наговорили столько непріятнаго, предлагая въ то же время менѣе казистую выборную должность, что этотъ послѣдній поддался и вышелъ изъ посредниковъ. Затѣмъ составъ съѣзда установился такой: одинъ посредникъ былъ тотъ самый, которому „агитація“ партіи устроила упомянутую выше сцену грязныхъ обвиненій; другой, удостоенный благодарностей, былъ изрядный крѣпостникъ; третій—благодушный, но пустой и безцвѣтный, а четвертый—знающій, энергичный и самостоятельный, но ужъ слишкомъ рѣшительнаго и властнаго нрава; при спокойныхъ отношеніяхъ, это былъ интересный въ обществѣ человекъ, съ которымъ пріятно было поговорить, читающій и либеральныхъ взглядовъ, но крестьянское управленіе было у него въ ежовыхъ рукахъ, съ губернской властью онъ постоянно задирался, а съ противниками изъ помѣщиковъ былъ настолько рѣзокъ, что его опасались, хорошо зная, что при столкновеніяхъ онъ не остановится ни предъ чѣмъ, и готовъ дойти хоть до дуэли.

Живо представляются въ моей памяти картины мирового съѣзда. Съ утра уже въ день съѣзда появлялись въ городѣ мировые посредники, замѣтные еще издали по металлическимъ цѣпямъ на груди, съ которыми они не разставались весь день, такъ что приходилось встрѣчать ихъ съ этимъ украшеніемъ и на улицѣ, и въ магазинахъ, и на городскомъ бульварѣ. Показываются и пріѣзжіе помѣщики, изъ которыхъ одни останавливались у городскихъ знакомыхъ, а другіе, за отсутствіемъ въ городѣ порядочныхъ гостинницъ,—на постоянныхъ дворахъ съ номерами, гдѣ еще можно было кое-какъ перебиваться день, а но-

чевать была чистая бѣда, вслѣдствіе дрянности мебели, недостатка чистоты и обилія клоповъ. До начала сѣзда происходятъ въ разныхъ мѣстахъ города предварительныя встрѣчи и разговоры. А около дома мирового сѣзда начинаютъ собираться крестьяне, располагаясь прямо на землѣ. Въ дрянныхъ зипу-пишкахъ, лаптяхъ и сѣро-бѣлыхъ колапакообразныхъ шапкахъ, одни лежатъ, другіе дремлютъ сидя, третьи жуютъ добытый изъ котомокъ „хлѣбушко“ или переговариваются между собою, сопровождая свои слова ѳханьями, и у всѣхъ въ лицѣ одно выраженіе — безграничнаго терпѣнія, соединеннаго съ запуганностью. Проходятъ мимо ихъ въ двери дома сѣзда разные господа, а мужики полусонными, безстрастными глазами созерцаютъ ихъ привилегію входить свободно, когда угодно, и терпѣливо выжидаютъ—когда-то наступитъ и ихъ чередъ, когда-то допустить ихъ предъ лице начальства, для объясненія ихъ наболѣвшихъ нуждъ и желаній. Глядя на эту размѣстившуюся по землѣ толпу, невольно, бывало, подумаешь: вотъ люди земли—они, словно растенія, па ней возросшія, къ ней же и льнутъ.— Но вотъ насталь часъ сѣзда. Въ большой, свѣтлой залѣ, вкругъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, усѣлись: предводитель, четыре украшенныхъ цѣпями мировыхъ посредника, около нихъ четыре же кандидата, секретарь и членъ отъ правительства, назначенный на четыре уѣзда, вслѣдствіе чего ему приходилось поочередно участвовать въ разныхъ сѣздахъ, переѣзжая изъ одного города въ другой. Вокругъ, на легкихъ стульяхъ, расположилась масса публики; въ прихожихъ ждетъ очередная группа крестьянъ; а въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ устроенъ буфетъ, куда временами заходятъ присутствующіе, заводятъ тамъ нерѣдко оживленные разговоры, споры и пререканія.

Начинаются занятія. Все идетъ сравнительно спокойно, пока читаются поступившія бумаги, циркуляры, губернскія предложенія, и лишь изрѣдка замѣчаются тонкія взаимныя пикировки несогласныхъ между собою членовъ сѣзда. Но когда доходитъ до разбора дѣлъ присутствующихъ помѣщиковъ—положеніе мѣняется и часто возникаютъ острые препирательства. Иной, неугомонный, такъ настаиваетъ на своихъ требованіяхъ, не убѣждаясь никакими доводами о невозможности удовлетворить его желанія, что горячій разговоръ съ нимъ тянется очень долго, сопровождаясь колкостями, и прерывается при взаимныхъ выраженіяхъ рѣшительнаго неудовольствія, послѣ чего помѣщикъ, разводя руками, идетъ раздѣлить свое негодованіе съ кѣмъ-либо изъ публики. Помню одного отставнаго маіора, который изво-

дилъ своего мирового посредника безпрестанными претензіями и жалобами на него, а на съѣздѣ такъ на него напиралъ, что посреднику еле-еле удавалось обороняться.—„Ну, солоно же вамъ приходится отъ вашего маіора, впору вамъ хоть участокъ перемѣнить, чтобы отъ него избавиться“,—замѣтилъ кто-то посреднику послѣ одной подобной сцены. Но посредникъ благодушно отвѣтилъ:—„Эхъ, что тутъ мѣнять!—вѣдь у каждаго посредника найдется свой маіоръ!“—А вотъ и другая сцена: является на съѣздъ помѣщикъ съ прошеніемъ по какому-то самому ординарному дѣлу, но настоящая-то суть вовсе не въ этомъ дѣлѣ. Помѣщикъ письменно заявляетъ, что по закону ему бы слѣдовало обратиться прямо къ посреднику, но такъ какъ послѣдній публично обвинялся въ такихъ-то и такихъ-то позорныхъ дѣяніяхъ, то авторъ, не имѣя къ нему никакого уваженія, не желаетъ имѣть съ нимъ и дѣла, почему проситъ распоряженія непосредственно отъ мирового съѣзда. Тутъ поднимается такая буря, отъ которой съѣздъ не скоро успокоивается. Обиженный посредникъ требуетъ копіи прошенія для возбужденія судебного преслѣдованія обидчика, помѣщикъ требуетъ позволенія иллюстрировать свою бумагу фактами, и, наконецъ, еле-еле удается съѣзду перейти къ очереднымъ дѣламъ. Положимъ, сцены послѣдняго рода были не часты,—однако, онѣ и при рѣдкости были характерны для нравовъ среды. Иначе ведутся разговоры съ крестьянами. Робко, съ видимою сосредоточенностью, выражающею опасеніе, какъ бы не забыть высказать чего-нибудь существеннаго, крестьяне просятъ о томъ или другомъ, объясняются противъ возраженій или пренебрежительныхъ внушеній, увѣряя въ своей правотѣ; тонъ у нихъ часто молящій, вызывающій къ справедливости, участію къ ихъ положенію, и рѣдко проявляется настойчивость. Случалось, даже на колѣнки станутъ. „Насъ пожалѣйте!“—„Истинную правду говорю!“ или—„Какъ Богъ святъ!“—иногда возглашаетъ мужикъ, воздѣвая руки къ иконѣ, и крестится. Но слишкомъ много разговаривать имъ не полагается, и если на съѣздѣ отнесутся къ ихъ притязаніямъ неблаговольтельно, то скоро послѣдуетъ внушеніе замолчать. А кто не уймется сразу и продолжаетъ настаивать, такому иной разъ случалось услышать отъ выпроваживающаго его строгаго посредника: „Тебя, братъ, видно, еще не выпороли, такъ не бозпокойся—выпорютъ!“ Довѣрія къ начальству у крестьянъ вообще было мало, и они относились къ послѣднему почти всегда только пассивно, разыскивая совѣтовъ на сторонѣ. Помню, разъ мнѣ пришлось остановиться по пути на сельскомъ постояломъ дворѣ и, кормя лошадей, разговориться

съ хозяиномъ объ окрѣжныхъ крестьянскихъ дѣлахъ. И вотъ, черезъ нѣсколько дней, уже пришли ко мнѣ изъ этой округи, верстъ за сорокъ, двое или трое крестьянъ съ горькими жалобами на какое-то рѣшеніе по ихъ деревнѣ и съ просьбою научить, что дѣлать. Дѣло было правое по существу, но почти безнадежное въ формальномъ отношеніи. По настоянію крестьянъ, я написалъ имъ какое-то прошеніе, предваривъ о малыхъ шансахъ успѣха, а когда отказался отъ предложеннаго вознагражденія, то они, спустя нѣкоторое время, сочли долгомъ принести мнѣ хоть деревянную чашку меда, который надо было принять, оплативъ это приношеніе хотя деньгами.

Среди описанныхъ занятій пройдетъ на сѣздѣ нѣсколько часовъ. Умаются члены сѣзда, подъ-конецъ томится и публика и начинаетъ постепенно расходиться. Всѣмъ пора отдохнуть и пообѣдать, а это послѣднее—тоже вопросъ для пріѣзжихъ. Кто не остановился у знакомыхъ или не получилъ приглашенія отъ городского жителя, тому остается пропитаться въ номерѣ на постояломъ дворѣ чаемъ съ баранками или лавочною закускою, сардинами, сыромъ и т. под. Правда, на постояломъ дворѣ предлагаютъ заказать обѣдъ, но я разъ попробовалъ этотъ способъ и закалялся. Подали мнѣ—и довольно дешево—четыре блюда: окрошку изъ огурцовъ съ кусочками ржавой ветчины, грибомъ въ какой-то грязи, исправлявшей должность соуса, кусокъ пережареннаго до засушки чернаго мяса и „пирожное“, въ роли котораго являлась простая маленькая булочка, украшенная сверху ягодкою варенья. Кромѣ этого пирожнаго, пришлось остальные блюда отослать назадъ, чуть отвѣдавъ, и придти къ заключенію: нѣтъ, лучше обходиться чаемъ съ баранками.—Вечеромъ, значительная часть бывшихъ на сѣздѣ покажется на бульварѣ, а иные собираются другъ у друга въ номерѣ или на квартирѣ, гдѣ образуются иногда цѣлыя группы и идутъ толки о дѣлахъ, друзьяхъ и противникахъ. Такъ день сѣзда и оживить общество, поддерживая отношенія, содѣйствуя знакомствамъ и сближеніямъ, а иногда зарождая новыя „агитаціи“.

Но если проявленія взаимныхъ счетовъ могли производить непріятное впечатлѣніе, то внѣ ихъ сферы значительная часть уѣзднаго общества была не безъинтересна, и среди лучшей группы мѣстной интеллигенціи можно было не безъ удовольствія проводить время въ разговорахъ о самыхъ различныхъ предметахъ: о современныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, о литературѣ, объ интересахъ сельскаго хозяйства, о перспективахъ будущаго русской жизни, о вопросахъ экономиче-

скихъ, нравственныхъ и т. под. Многіе съ интересомъ слѣдили за ходомъ подобныхъ явленій, и когда ипой участникъ мѣстныхъ агитацій отвлекался отъ текущей практики въ подобныя выси, то онъ нерѣдко казался другимъ человѣкомъ, рассуждая основательно и выражая симпатіи, не подходящія къ тому, что творилось въ уѣздѣ на дѣлѣ. Много было людей читающихъ, у нихъ нерѣдко можно было найти серьезную книгу, получалось не мало журналовъ и газетъ, а все это часто подвергалось обсужденію и спорамъ, такъ что, вращаясь въ кругу подобныхъ людей, довольно удобно было слѣдить за движеніями въ мірѣ печати. Преобладающій тонъ, какъ я уже замѣтилъ выше, былъ либеральный, причемъ онъ захватывалъ даже людей, къ нему не подходящихъ по своей внутренней сущности. Распространеніемъ и симпатіями пользовались: „Современникъ“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русское Слово“, „День“, и каждое изъ выразившихся ими направленій находило себѣ сторонниковъ. Проникали въ эту среду и передавались изъ рукъ въ руки также нумера лондонскаго „Колокола“, возбуждавшіе интересъ не только у либераловъ, но и у иныхъ крѣпостниковъ, у которыхъ временами проскальзывали даже мысли о конституціи, только съ такимъ осложненіемъ, чтобы доминировали „господѣ“ подъ именемъ бояръ или какимъ-нибудь однозначнымъ названіемъ. Имя Герцена было популярно, въ большомъ почетѣ, и слова его иными принимались съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ, какъ непрекаемый авторитетъ. Слово „народъ“ съ эффектомъ произносилъ иногда рядовой помѣщикъ; Некрасовскій „Парадный подѣздъ“—особенно тѣ мѣста, гдѣ говорится, что Волга не такъ затопляетъ весною поля, какъ великою скорбью народною переполнилась наша земля, и гдѣ дѣлается землѣ вызовъ показать ту сторонку, гдѣ бы ея сѣятель и кормитель, бѣдный мужикъ не страдалъ—съ дрожью въ голосѣ декламировалъ тотъ самый мировой посредникъ, который круто распоряжался у себя въ участкѣ; Герценомъ восхищались и такіе помѣщики, которые, годъ спустя, переносили свои хвалы на дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ.

Словомъ, въ данномъ обществѣ сказывалось такое же раздвоеніе, какое у насъ нерѣдко замѣчается въ различіи отношеній къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, когда они выступаютъ въ отвлеченномъ и въ болѣе конкретномъ видахъ. Какъ будто не замѣчалось, что окруженный симпатіями „народъ“—это тотъ самый мужикъ, который располагается на землѣ возлѣ дома мирового съѣзда и пренебрежительно подвергается административ-

нымъ строгостямъ; что предвидимая расширенная политическая дѣятельность не тождественна съ тѣми чисто личными партіями и общественными приѣмами, которые такъ внѣдрились въ наличную уѣздную и губернскую политику; что исповѣдуемая идеи нуждаются въ большей сознательности и практической послѣдовательности. Близкому будущему пришлось уже вѣрнѣе и точнѣе разсортировать людей по ихъ дѣйствительной, внутренней сущности, но до этого испытанія, въ 1862 году, многое еще такъ перепутывалось подъ однообразною внѣшностью, что поддерживало не мало недоразумѣній, и для сколько-нибудь успѣшнаго ориентированія среди общества требовался внимательный анализъ.

Я вращался среди такихъ сужденій, когда въ столичной печати вдругъ появились первыя темныя точки, скоро разросшіяся въ тучи, положившія начало тѣмъ расколамъ и реакціоннымъ тенденціямъ, которыя, постепенно развиваясь, затянулись на нѣсколько десятилѣтій и дошли до настоящаго времени, сильно поколебавъ достоинство періодической печати, возбудивъ въ ней инстинкты политической травли, угодливости, взаимныхъ обвиненій, и т. п. Живо помню произведенное этими первыми симптомами впечатлѣніе въ обществѣ. Первый поводъ къ нимъ дали знаменитые петербургскіе пожары, начавшіеся въ концѣ мая.

Первыя вѣсти объ этихъ пожарахъ пришли въ провинцію, сопровождаемыя тѣми же нелѣпыми толками о поджогахъ политическаго характера, какіе распространялись и въ народной массѣ столицъ: поджигаютъ-де не то русское революціонное юношество, не то поляки. Болѣе образованная часть уѣзднаго общества этому не вѣрила и даже негодовала противъ толковъ, а другіе относились къ подобнымъ вѣстямъ съ смутнымъ недоумѣніемъ. Такое же разнообразіе впечатлѣній и толкованій встрѣчалось и въ столицахъ. Скороспѣлые, необдуманые выводы во взбудораженной тревогою, растерявшейся темной массѣ были еще понятны, -- однако, въ такомъ же духѣ принялась муссировать вопросъ о пожарахъ и часть печати. Въ Петербургѣ нашлись изданія, поддавшіяся вліянію вульгарныхъ сказокъ, но на петербургской печати останавливаться не буду, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, московскую, представлявшуюся тогда болѣе серьезною. Неожиданное отношеніе къ этому дѣлу поспѣшили проявить Катковскія изданія, примѣшавшія къ вопросу о пожарахъ личные счеты.

Въ одномъ изъ іюньскихъ номеровъ „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника“ появилось письмо изъ Петербурга, съ описаніемъ этихъ пожаровъ, подписанное священникомъ Беллюсти-

нымъ, который былъ извѣстенъ, какъ авторъ изданной за границую обличительной книги о русскомъ духовенствѣ, а также многими статьями въ русскихъ изданіяхъ. Не ограничиваясь изображеніемъ ужасовъ видѣннаго бѣдствія, Беллюстинъ, подъ вліяніемъ свѣжо-испытанныхъ тяжкихъ впечатлѣній, коснулся также причинъ пожаровъ и вызванныхъ ими народныхъ толковъ. По его словамъ, народъ указывалъ, какъ на главную причину,—на „учащуюся“ и „ученую“ молодежь, связывая означенное бѣдствіе съ разными прокламаціями, которыя предъ тѣмъ, по его выраженію, „враги общественнаго спокойствія щедрою рукою сыпали въ народъ“. Оговариваясь, что не рѣшается вѣрить подобнымъ толкамъ, Беллюстинъ, тѣмъ не менѣе, прибавлялъ: „Но что, если и тутъ есть своя доля правды? Что, если и въ самомъ дѣлѣ эта молодежь, уключенная погибельными возгласами проповѣдниковъ анархіи и всеобщаго погрома, посредственно или непосредственно принимаетъ въ этомъ участіе?“ — Далѣе шли разсужденія, построенныя на основаніи такихъ представленій о виновникахъ, и дѣлались явные намеки на руководство поджогами изъ Лондона, т.-е. группою Герцена.

Если у Беллюстина подобныя слова могли еще объясняться избыткомъ сильныхъ впечатлѣній, въ острый моментъ затруднявшихъ обдуманность, то Катковъ утилизировалъ его сообщеніе въ томъ же духѣ, находясь вдали отъ мѣста пожаровъ, и высказался въ редакціонной статьѣ. Статья эта тоже начиналась съ утвержденія, что не хочется вѣрить ожесточенной народной молвѣ, пока не будетъ „несомнѣнныхъ доказательствъ“ и „формальное слѣдствіе не обнаружитъ фактовъ“, однако, тутъ же прибавлялось, что объясненныя подозрѣнія „проглядываютъ въ печати и слышатся отъ людей, способныхъ къ самообладанію, въ сопровожденіи *уликъ* и доводовъ“, а въ подкрѣпленіе приводилась добытая откуда-то легенда о какихъ-то искусно составленныхъ ящевидныхъ зажигательныхъ снарядахъ, указывающихъ на умѣлую или ученую руку. Затѣмъ, послѣ рѣзкихъ до бранности киваній въ эту сторону, статья „Современной Лѣтописи“ дѣлала прыжокъ въ Лондонъ и, обратясь къ представителямъ тамошней русской печати съ осужденіемъ ихъ дѣятельности, заключала: „Мы знаемъ, что это за люди“, и — „развѣ нельзя ожидать всего отъ людей, которые дѣйствуютъ такимъ образомъ!“ Выходило, что и по мнѣнію Каткова, признававшего въ этотъ самый моментъ потребность самообладанія,—петербургскими пожарами руководило изъ Лондона общество Герцена, дѣйствовавшее руками находившихся въ Россіи его приверженцевъ.

Однако, и тутъ, считаясь съ духомъ того времени, названная статья старалась еще удержаться на либеральной почвѣ и, выражая, что вина осуждаемыхъ ею явленій вовсе не въ свободѣ, высказывала: „Всего опаснѣе были бы такія мѣры, которыя клонились бы къ стѣсненію возбужденнейшей въ обществѣ жизни и которыя, имѣя въ виду подавлять зло, стали бы только поддерживать условія, благопріятствующія злу“. — „Когда будетъ самоотвѣтственная печать, — говорила московская газета, — тогда потеряютъ значеніе заграничныя типографіи; когда будетъ правильный судъ съ присяжными и со всѣми *гарантіями* — исчезнутъ жертвы; когда общественнымъ интересамъ будетъ дана надлежащая сила и значеніе — прекратится безучастіе къ общественному дѣлу“. Такъ Катковъ заботился еще объ отѣненіи своихъ рѣчей отъ ретроградныхъ принциповъ, но въ послѣдствіи, какъ извѣстно, переходя со ступеньки на ступеньку, онъ уже освободился отъ такого стремленія и не находилъ болѣе нужды въ подобныхъ аккомпаниментахъ для своей проповѣди.

Статья эта и своимъ содержаніемъ, и необычнымъ для редакціи тономъ вызвала большое недоумѣніе; но не успѣло сгладиться произведенное ею впечатлѣніе, какъ читающей публикѣ пришлось получить еще болѣе сильное: въ іюньской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ появилась довольно пространная „Замѣтка для издателя Колокола“, гдѣ Катковъ рѣзко и грубо сводилъ уже счеты прямо съ Герценомъ и его кружкомъ. Эта „Замѣтка“ была вызвана тѣмъ, что „Колоколъ“ отозвался на упомянутую выше Катковскую статью и, возмущаясь обвиненіями въ поджогахъ, потребовалъ объясненія словъ Каткова: „мы знаемъ, что это за люди“. Не находя уже возможнымъ настаивать на руководительствѣ поджогами изъ Лондона, Катковъ, въ отвѣтъ, сталъ упираться на то, что заграничная агитація, дѣйствующая на умы русскихъ людей и подводящая ихъ подъ кары, ничѣмъ не лучше дѣйствій обыкновенныхъ поджигателей, а скорѣе — преступнѣе; главное же содержаніе „Замѣтки“ состояло въ личныхъ обращеніяхъ къ Герцену, проникнутыхъ такою грубостью и озлобленіемъ, которыя указывали на личную враждебность, какъ на главный мотивъ, причемъ въ рѣчи Каткова проглядывали и ближайшіе поводы къ уязвленію его самолюбія. Такъ, по словамъ Каткова, онъ, будучи незадолго предъ тѣмъ за границею, самъ навѣстилъ-было кружокъ Герцена, съ цѣлью повліять на него; но, не объяснивъ, что именно произошло при этой встрѣчѣ, Катковъ высказалъ только, что ему пришлось сразу убѣдиться въ бесплодности своихъ усилій къ обращенію Герцена на надлежащій

путь, такъ что это мѣсто наводило на мысль о непріятныхъ обстоятельствахъ упомянутой встрѣчи. Катковъ утверждалъ, что весь интересъ „Колокола“ заключался въ приходившихъ къ нему изъ Россіи матеріалахъ, но исходившее отъ самой редакціи дѣлало ихъ болѣе вредными, чѣмъ полезными; успѣхъ же „Колокола“ среди русскихъ читателей онъ объяснялъ незрѣлостью, умственнымъ безсиліемъ нашего общества, недостаточностью нашей цивилизаціи, безсиліемъ нашей казенной науки и существовавшимъ разладомъ между мыслью и жизнью, при которыхъ заграничная проповѣдь встрѣчала, вмѣсто отпора, сочувствіе и поддержку. Плохо поддавался резюмировкѣ обильный потокъ враждебныхъ пререканій, но вообще Катковъ тутъ не щадилъ выраженій, называя Герцена человѣкомъ безъ убѣжденій, только говорящимъ тономъ пророка, безчестнымъ ломакою, клеветникомъ, авторомъ мерзкихъ выходокъ, и т. п., и т. под.

Впечатлѣніе, произведенное означенными статьями на публику, какъ столичную, такъ и провинціальную, было сильно и значительно измѣнило ея отношеніе къ Каткову и его изданіямъ. Грубый, рѣзкій тонъ ихъ такъ расходился съ тактичностью, приличіемъ и вообще достоинствомъ рѣчи, отличавшими до того „Русскій Вѣстникъ“, что привычные къ нимъ его читатели разводили руками, словно предъ ними вдругъ совсѣмъ другой человѣкъ заговорилъ. И обвиненіе учащихся и ученыхъ людей въ такихъ преступленіяхъ, какъ поджоги, и рѣшительно противорѣчившая характеру лучшихъ органовъ тогдашней печати бранная полемика съ противниками, не имѣвшими къ тому же доступа въ русскую печать, наводили на мысль, что Катковъ какъ будто выходитъ на совсѣмъ новый путь. Иные пытались объяснять это какимъ-либо случайнымъ, мипутнымъ вліяніемъ, приписывая его, между прочимъ, Леонтьеву, или не въ мѣру возбужденнымъ чувствомъ раздраженія, но другіе и на это замѣчали, что человѣкъ даже въ раздраженіи и при уязвленіи самолюбія можетъ выносить на свѣтъ лишь то, что есть въ его натурѣ, а для рѣшимости выступить съ такими рѣчами нуженъ внутренній переломъ, соединенный съ готовностью къ перемѣнѣ направленія. И дальнѣйшіе факты стали оправдывать послѣднее, такъ какъ Катковъ съ этого времени дѣйствительно болѣе и болѣе направлялся къ ретроградству, дойдя со временемъ до Геркулесовыхъ столповъ, противорѣча тому, что самъ прежде отстаивалъ, и публика его скоро смѣнилась другого рода людьми.

Во время появленія означенныхъ статей, я, какъ замѣчено выше, былъ въ провинціи, и помню, какое онѣ тамъ возбудили

недоумѣніе. Ихъ читали и перечитывали; не мало было по этому поводу толковъ и споровъ; иные почитатели Каткова стали отъ него отворачиваться, а нерѣшавшіеся сразу разставаться съ прежнимъ предметомъ сочувствія—какъ бы успокоивали себя заключеніемъ: „это все Леонтьевъ“.

Но и другія вѣсти, приходившія одновременно изъ столицъ, производили смущающее дѣйствіе. Тамъ настроеніе вообще установилось тревожное: выступала усиленная административная подозрительность къ общественному движенію, закрывались школы, а всего больше подвергался подозрѣніямъ, по старому обычаю, литературный міръ. Слышалось оттуда объ арестахъ и преслѣдованіяхъ литераторовъ и пріостанавливалось на нѣсколько мѣсяцевъ изданіе журналовъ. При оцѣнкѣ неблагонамѣренности обнаруживалось даже очень плохое пониманіе людей, такъ что преслѣдованіе, между прочимъ, обратилось и на Аксакова. Его „День“ въ іюнѣ подвергся пріостановкѣ за полемическую статью, представлявшую отвѣтъ рижской нѣмецкой печати по вопросу о значеніи нѣмецкаго элемента въ Россіи и о поддержкѣ послѣдняго Петербургомъ. Пріостановка длилась три мѣсяца, но и затѣмъ „День“ былъ возобновленъ въ сентябрѣ, съ устраненіемъ Аксакова отъ званія редактора, въ качествѣ котораго допущенъ былъ Ю. Ѳ. Самаринъ, хотя на дѣлѣ полнымъ хозяиномъ газеты все-таки оставался самъ Аксаковъ, возвратившій себѣ прежнее формальное право еще позже, послѣ личнаго его обращенія съ ходатайствомъ къ императору. Вообще, хотя преобразовательное движеніе у насъ продолжалось, причемъ готовились судебная и земская реформы, но уже чувствовалась та первая со времени приступа къ реформамъ реакція, которою отмѣчается въ исторіи новой русской жизни 1862-й годъ. Выступленіе Каткова съ новыми рѣчами въ такую пору оттѣнялось еще рельефнѣе и характернѣе. Тревожнымъ и загадочнымъ представлялось также положеніе польскаго дѣла. Хотя съ назначеніемъ великаго князя Константина на постъ намѣстника царства польскаго начинались тамъ органическія реформы, но происшедшее въ Варшавѣ покушеніе на его жизнь, съ послѣдующими однородными фактами, являлись, въ свою очередь, безпокойными симптомами, ставившими неясный вопросъ—что выростетъ изъ наличнаго положенія дальше.

Вообще, въ ту пору, когда мнѣ пришлось возвращаться изъ провинціи въ Москву, горизонтъ русской жизни началъ заволакиваться облаками и ожидалось не мало новаго.

V.

Возвращеніе въ Москву.

Въ Москву я вернулся уже въ концѣ сентября и, устроившись на постоянное жительство въ меблированныхъ же комнатахъ, возобновилъ свои весеннія знакомства. Въ эту пору уѣзжавшіе на лѣто изъ города москвичи уже возвращались, зимній сезонъ московской жизни начинался, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились и литературныя общенія, въ томъ числѣ Катковскія и Аксаковскія пятницы. Я не замедлилъ навѣстить оба кружка и сталъ постояннымъ ихъ посѣтителемъ. Тутъ мнѣ предстояли новыя встрѣчи и пришлось сближаться съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, знакомство съ кѣмъ прежде завязалось у меня только самое поверхностное.

Внѣшность, порядокъ и главный личный составъ этихъ литературныхъ собраній были прежніе, но внутри ихъ почувствовалась нѣкоторая разниа противъ весны: въ Катковскомъ обществѣ какъ будто ощутилось больше натянутости, и въ разговорахъ повѣяло новымъ, антипатичнымъ духомъ, тогда какъ Аксаковское съ каждою пятницею болѣе и болѣе оживлялось; росло въ немъ число участниковъ, расширлся кругъ обсуждаемыхъ предметовъ и усиливался интересъ бесѣдъ.

На первомъ же вечерѣ у Каткова пришлось замѣтить перемену въ немъ самомъ. Наружное олимпійство Каткова сохранялось, но—обыкновенно молчаливый, сдержанный въ словахъ и вообще тактичный—онъ сталъ больше разверзать свои уста, только преимущественно для раздражительныхъ рѣчей. Онъ говорилъ больше прежняго и временами даже горячился, выражая негодованіе противъ разныхъ противниковъ, но это больше выступало не въ видѣ серьезной, обоснованной критики, а—проникнутое гнѣвнымъ тономъ, впадавшимъ въ такую обвинительность, которая производила смущающее впечатлѣніе. Доставалось и петербургской печати, и заграничной, и противникамъ разныхъ направленій, причемъ приписывалась имъ не простая ошибочность мнѣній, но и вредная въ политическомъ смыслѣ преднамѣренность. Конечно, все это выражалось гораздо умѣреннѣе, чѣмъ Катковымъ же въ послѣдующее время, но при тогдашней непривычкѣ къ подобному тону въ серьезныхъ литературныхъ кругахъ—это не могло не рѣзать слуха, какъ новый, непріятный элементъ. Казалось, что Катковъ чѣмъ-то чувствительно задѣтъ,

что его выводитъ изъ спокойствія и мутитъ нѣчто новое, особенное, а это наводило на мысль—не составляетъ ли причины тотъ, происшедшій лѣтомъ и объясненный въ предыдущей главѣ литературный эпизодъ, который возбудилъ въ обществѣ неблагопріятные для Каткова толки? На этомъ, первомъ посѣщенномъ мною осеннемъ вечерѣ присутствовали, между прочимъ, малороссъ, профессоръ Юркевичъ, и пріѣзжій изъ харьковской губерніи писатель Г. П. Данилевскій; благодаря тому, зашла рѣчь о Малороссіи, и тутъ Катковъ особенно обрушился на такъ называемое теперь украинофильство (тогда оно еще не носило этого названія). Хотя послѣднее выражалось собственно въ заботахъ о свободѣ и развитіи малорусскаго языка, но Катковъ не только горячо обвинялъ тогдашнихъ сторонниковъ малорусской литературы въ слабомысліи, ложности понятій и бесплодности затѣй, но бросалъ по ихъ адресу и политическіе укоры болѣе широкаго значенія, намекая на умѣстность внѣшнихъ обузданій. Слушатели относились къ этимъ рѣчамъ неодинаково. Юркевичъ, хотя выставлялъ нѣкоторые преимущества родныхъ ему малороссійскихъ нравовъ, особенно семейныхъ, предъ великорусскими, но при своемъ оффиціально-благонамѣренномъ образѣ мыслей слегка поддерживалъ своими репликами Катковскія политическія соображенія, а Данилевскій поддакивалъ въ свою очередь, такъ какъ онъ вообще умѣлъ приспособляться къ различнымъ сферамъ, одновременно сходясь съ редакціею малороссійской „Основы“ и примыкая къ Каткову, а также принаравливаясь и къ проникнутому московскимъ историческимъ духомъ Аксаковскому обществу, гдѣ я его тоже встрѣчалъ. Остальные же Катковскіе гости больше прималчивали, а потомъ разбились на группы и завели между собою другіе разговоры. Такъ протянулось время до ужина, когда гости стали размѣщаться за нѣсколькими отдѣльными столиками, и вечеръ кончился уже за полночь, оставивъ въ свѣжѣмъ человѣкѣ не совсѣмъ пріятное ощущеніе.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производили возобновленныя Аксаковскія пятницы. По прежнему тутъ преобладающимъ элементомъ являлись славянофилы, однако вмѣстѣ съ ними встрѣчались и люди, не принадлежавшіе къ этой группѣ, а просто отличавшіеся живымъ и болѣе искреннимъ отношеніемъ къ интересамъ русской жизни и независимымъ образомъ мыслей. Соберутся, бывало, человѣкъ двадцать—и оживленные разговоры идутъ съ начала вечера до глубокой ночи почти безъ перерывовъ. Славянофильскія односторонности не подавляли, противъ нихъ можно было спорить, но чувствовалось присутствіе одного изъ лучшихъ,

правдивыхъ общественныхъ элементовъ даннаго времени. Конечно, попадались и безцвѣтные люди, и случайные посятители, сказывались различія во взглядахъ, но и послѣднія отличались болѣею частью тѣмъ же прямымъ, честнымъ отношеніемъ къ жизненнымъ вопросамъ и свободою отъ узкихъ, низменныхъ цѣлей, какими вообще обуславливаются нравственное достоинство общества и самый интересъ общенія. Участіе къ народному положенію, отзывчивость къ требованіямъ справедливости и простору для дѣятельности общественной силы объединяли и людей, не совсѣмъ одинаково смотрѣвшихъ на способы улучшенія жизненныхъ условій. Собраніе людей въ домѣ подъ славянофильскимъ флагомъ едва-ли когда-либо—прежде или послѣ—было такъ привлекательно, какъ осенью и зимою 1862 года. Тогда здѣсь встрѣчались и такіе люди, которые потомъ сторонились отъ сѣузившагося въ стремленіяхъ и впаваго въ нетерпимость славянофильскаго круга, и оттого означенное собраніе представляло болѣе широкій, чѣмъ партійный интересъ. Кромѣ лицъ, о которыхъ я упоминалъ выше, во второй главѣ, изъ посѣщавшихъ въ это время Аксаковскія пятницы, назову еще нѣсколькихъ. Бывалъ здѣсь симпатичный поэтъ А. М. Жемчужниковъ, живо относившійся почти ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ. Появлялся Ал. Мих. Унковскій, который, послѣ своего тверскаго губернскаго предводительства и невольнаго удаленія въ Вятку за неодобренныя дѣйствія при выработкѣ крестьянской реформы, готовясь къ будущему адвокатству, занимался въ это время защитою дѣлъ крестьянъ по имѣніямъ кн. Меншикова, гр. Д. А. Толстого, княгини Черкасской и др. Встрѣчались: В. А. и Н. А. Елагины, изъ которыхъ первый специально интересовался справедливою постановкою польскаго вопроса; С. А. Юрьевъ—живой, искренній писатель и ученый—впослѣдствіи издававшій хорошій московскій ежемѣсячный журналъ „Бесѣда“; публицистъ Гиляровъ-Платоновъ, принадлежавшій къ маленькому кругу либеральныхъ цензоровъ, а потомъ долго издававшій въ Москвѣ газету „Современныя Извѣстія“; извѣстный свѣтлою административною дѣятельностью В. А. Арцимовичъ, который тогда, только-что покинувъ губернаторство въ Калугѣ,—гдѣ приобрѣлъ особенную извѣстность справедливымъ и участливымъ веденіемъ крестьянскаго дѣла,—назначенъ былъ московскимъ сенаторомъ. Много бы можно было сказать о личной характеристикѣ cadaго изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что черты людей той эпохи теперь начинаютъ забываться, но это отвлекло бы далеко отъ нити разсказа, а потому ограничусь напоминаніемъ, что каждый изъ нихъ былъ

цѣльною, вполне опредѣленною личностью съ твердыми убѣжденіями и симпатіями, какія теперь встрѣчаются очень-очень рѣдко. Раза два встрѣчалъ я тамъ М. Е. Салтыкова; разъ былъ гр. Л. Н. Толстой. Навѣщали также пятницы библіографы Лонгиновъ и Бартеневъ; изъ прочихъ припомню: беллетриста и драматурга Чаева, профессора Лешкова, В. И. Даля, В. П. Безобразова, двухъ братьевъ Сухотиныхъ, офицера Ордынского: но, разумѣется, перечислять всѣхъ, особенно не пріобрѣвшихъ характерной извѣстности или случайныхъ посѣтителей, не стану.

Въ числѣ пятничныхъ Аксаковскихъ гостей помню еще трехъ декабристовъ, которые, отбывъ тридцатилѣтнюю сибирскую ссылку, появились, уже въ царствованіе императора Александра II, внутри Россіи, удивляя своими сохранившимися нравственными силами, трудоспособностью и участливостью къ современной жизни. Одинъ былъ—П. Н. Свистуновъ, занявшій должность члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Калугѣ, гдѣ дѣйствовалъ дружно съ Арцимовичемъ; въ журналахъ встрѣчались его статьи по финансамъ. Другой—Гавр. Ст. Батенковъ; помню его высокую, сѣдую фигуру, съ крупными чертами лица, и рѣчь, отличающуюся рѣзкимъ акцентомъ на о. Третій—былъ Дм. Иринарх. Завалишинъ. Всѣ они въ 1826 году были приговорены къ каторгѣ, но эта тяжелая доля не сокрушила ихъ нравственной личности, и они вернулись изъ Сибири бодрыми и дѣятельными. Батенковъ умеръ въ слѣдующемъ 1863 году; Свистуновъ былъ въ Москвѣ случайно и вернулся въ Калугу, а Завалишинъ осѣлъ въ Москвѣ прочно. Съ этимъ послѣднимъ я скоро сблизился; онъ часто посѣщалъ меня, мы вмѣстѣ бывали у общихъ знакомыхъ, и потому мнѣ пришлось не мало наблюдать его своеобразную личность. Жизненная энергія въ Завалишинѣ была ключомъ. Хорошо образованный, внимательно слѣдившій за ходомъ русской и европейской жизни, онъ при этомъ отличался еще такою словоохотливостью, что могъ бы казаться даже болтуномъ, еслибы рѣчь его не была такъ содержательна. Много рассказывалъ онъ о прошломъ и полонъ былъ соображеніями относительно настоящаго и будущаго. Къ этому присоединялись еще большой полемическій задоръ и рѣзко-обличительное направленіе, доводившее Завалишина до неуживчивости. Въ ранней молодости онъ былъ морскимъ офицеромъ и, по его рассказамъ, участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи, вернувшись изъ котораго примкнулъ къ декабристамъ. Но 14 декабря его въ Петербургѣ не было, и онъ арестованъ былъ въ Симбирскѣ. Послѣ каторги онъ поселился было въ Восточной Сибири и, какъ человѣкъ выдающихся знаній

и способностей, пользовался извѣстнымъ уваженіемъ въ административномъ мірѣ, такъ что его нерѣдко приглашали къ участию въ обсужденіи дѣлъ по устройству Восточной Сибири во время генераль-губернаторства Муравьева-Амурскаго и Корсакова. Тамъ онъ заявлялъ себя рѣзкою критикою административныхъ проектовъ и постоянными возраженіями, вызывая тѣмъ противъ себя неудовольствія. Рассказывая объ этомъ, онъ сильно осуждалъ верхній и средній восточно-сибирскій административный персоналъ, выставляя его полнымъ самоувѣренности и, вмѣстѣ, неумѣлости, верхоглядства и даже грубаго невѣжества. Изъ приводившихся имъ, для иллюстраціи послѣдняго, анекдотовъ помню такой. Разъ, послѣ совѣщанія, гдѣ присутствовалъ Завалишинъ, дѣловая бесѣда перешла въ частный разговоръ. Почему-то рѣчь коснулась упоминавшагося въ печати вопроса о зундскихъ пошлинахъ. Собесѣдники попросили Завалишина объяснить, въ чемъ состоитъ сущность этого вопроса. „Я отвѣтилъ, — рассказывалъ Завалишинъ, — что это достаточно опредѣляется самымъ названіемъ: зундскія пошлины значать — пошлины при проходѣ черезъ Зундъ. И вдругъ, послѣ этого, меня огорошиваютъ новымъ вопросомъ: — А чтò такое Зундъ? — Каковъ уровень познаній! Люди, рѣшающіе крупные вопросы, не знаютъ, чтò такое Зундъ! Мнѣ оставалось только развести руками. Вы, можетъ быть, мнѣ не повѣрите, но какъ бы это ни показалось вамъ невѣроятнымъ — ручаюсь, что это было такъ; вотъ каковы тамъ вершители мѣстныхъ судебъ въ наше время!“ — Борьба Завалишина съ мѣстнымъ административнымъ творчествомъ, однако, не ограничилась сферою совѣщаній; онъ началъ еще строго критиковать его въ столичной печати и совсѣмъ раздражилъ противъ себя мѣстное начальство. Какъ человекъ безпокойный, Завалишинъ — по его словамъ — признанъ былъ вреднымъ для края и подвергся удаленію изъ Сибири, откуда направился въ Москву, гдѣ въ первое время поселился у своей родственницы. Такъ, черезъ тридцать-пять лѣтъ послѣ ссылки съ запада на крайній востокъ, ему пришлось испытать еще высылку въ обратномъ направленіи — съ востока на западъ. Отрицательную черту Завалишина представлялъ избытокъ самолюбія, доводившій его до рисовки и запальчивости въ полемикѣ. Онъ полемизировалъ даже съ нѣкоторыми декабристами, вызывая тѣмъ мысль, что у него были съ ними еще сибирскіе счеты. Обращала на себя также вниманіе не совсѣмъ гармонизировавшая съ его преклоннымъ возрастомъ заботливость о своей наружности. Предъ дамами онъ таялъ, расшаркиваясь и рассыпаясь въ любезностяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемаго вре-

мени, будучи въ Москвѣ проездомъ съ юга въ Петербургъ, я навѣстилъ Завалишина и былъ удивленъ его внѣшнимъ видомъ. Онъ украсился затѣйливымъ парикомъ съ длинными вьющимися волосами и какимъ-то яркимъ галстухомъ; а еще черезъ нѣсколько времени до меня дошло извѣстіе, что болѣе чѣмъ семидесятилѣтній Завалишинъ женился въ Москвѣ на молодой дѣвушкѣ. Съ моимъ переездомъ въ Петербургъ, наши сношенія прервались, и я узнавалъ о немъ только изъ печати. Смѣшанная была натура. Умеръ Завалишинъ, кажется, послѣднимъ декабристомъ.

Въ одну изъ Аксаковскихъ пятницъ появился еще совсѣмъ необыкновенный гость: губернской предводитель дворянства, кажется, гродненской губерніи, полякъ гр. Старжинскій. Помню его полную, стриженую и рѣчистую фигуру. Онъ не имѣлъ до того никакого личнаго знакомства съ Аксаковымъ, но, будучи однимъ изъ активныхъ представителей тогдашняго польскаго политическаго движенія, явился, чтобы столкнуться съ выдающимся русскимъ общественнымъ кругомъ, какъ съ добросовѣстными противниками, относительно разныхъ сторонъ польскаго вопроса, и, между прочимъ, доказывать основательность польскихъ притязаній на западный край. По-русски Старжинскій не умѣлъ или не хотѣлъ говорить, а потому объясненія шли на французскомъ языкѣ. Онъ горячо отстаивалъ право поляковъ въ западныхъ губерніяхъ; объясненія по этому предмету заинтересовали всѣхъ, и вокругъ говорившихъ сплочивался тѣсный кружокъ слушателей. Старжинскій появлялся двѣ или три пятницы; однако, какъ ни много было споровъ—они не приводили ни къ какимъ соглашеніямъ, потому что у обѣихъ сторонъ были слишкомъ различны основныя точки зрѣнія: Старжинскій видѣлъ въ западныхъ губерніяхъ страну польской дворянской интеллигенціи, а его противники—страну русскаго народа; а что важнѣе—дворянство или народъ—въ этомъ ни одна сторона не дѣлала уступокъ. Такъ спорившіе и разошлись, оставшись при своихъ прежнихъ мнѣніяхъ. Послѣ пришлось узнать изъ газетъ, что Старжинскій, за какое-то участіе въ мятежѣ, былъ преданъ суду, и что стало съ нимъ дальше—не знаю.

Интересъ живого и внутренне-содержательнаго состава Аксаковскаго общества настолько усиливался, что сталъ-было даже перетягивать людей изъ другихъ литературныхъ кружковъ. Появлялись туда временами посѣтители Каткова, которые иногда дѣлили вечеръ на-двое, больше засиживаясь у Аксакова, а иногда и весь вечеръ проводили въ Аксаковскомъ кругу. Случалось даже,

что навѣдывались нѣкоторые лица, примыкавшія къ Павлово-Чичеринскому „Нашему Времени“, при всемъ отличіи этого чахнувшаго органа отъ „Дня“. Нравственная сила брала свое.

Работалъ я въ это время и у Каткова, и у Аксакова, только не въ одинаковой мѣрѣ. Въ редакціи „Русскаго Вѣстника“ давали мнѣ временами матеріалы для отдѣльныхъ работъ, назначавшихся въ „Современную Лѣтопись“; только это у насъ какъ-то плохо клеилось, между прочимъ, потому, что статьи подолгу залеживались. Приготовленную работу, бывало, уже наберутъ, по корректура ея все-таки вылеживается мѣсяцами, несмотря на то, что номера „Современной Лѣтописи“ выходили каждую недѣлю. Одна статья, помню, залежалась до того, что это меня совсѣмъ раздосадовало, и, несмотря на неоднократныя завѣренія Леонтьева, что она пойдетъ въ одинъ изъ ближайшихъ номеровъ, я взялъ къ себѣ ея корректуру и отказался отъ печатанія. Около этого времени, Катковъ съ Леонтьевымъ сняли въ двѣнадцатилѣтнюю аренду отъ университета газету „Московскія Вѣдомости“, которая должна была выходить подъ ихъ редакціею съ 1 января 1863 года, и предполагалось пристроить меня тамъ; однако, это не могло состояться уже потому, что я отсталъ отъ Катковскаго круга раньше означеннаго срока. Проще и скорѣе пристроился я по работѣ къ „Дню“. Кромѣ того, что я сталъ помѣщать тамъ статьи, одну за другою, Аксаковъ далъ мнѣ постоянное занятіе, предоставивъ въ мое распоряженіе провинціальныя газеты, для извлеченія изъ нихъ болѣе выдающихся, съ точки зрѣнія „Дня“, фактовъ, составленія по нимъ обзоровъ, замѣтокъ и самостоятельныхъ статей. Работа эта не только поставила меня въ болѣе близкія отношенія къ „Дню“, но возымѣла для меня еще и другое значеніе.

Масса тогдашнихъ провинціальныхъ изданій была велика по объему, но очень бѣдна содержаніемъ, такъ какъ частныхъ газетъ было мало, да и изъ нихъ вниманія заслуживали почти только одесскія и кіевскія, а въ прочихъ мѣстностяхъ издавались лишь тощіе эфемерные листки. Оффиціальныя же изданія состояли изъ епархіальныхъ и губернскихъ вѣдомостей. Эти послѣднія, конечно, сами по себѣ, не представляли почти никакого интереса, но были цѣнны тѣмъ, что при многихъ изъ нихъ прилагались печатные журналы засѣданій губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, которыя давали обширный матеріалъ, изображавшій ходъ крестьянскаго дѣла по вступленіи его въ самый интересныя фазисы. Въ эту пору черезъ присутствія проходило много любопытныхъ дѣлъ по разсмотрѣнію уставныхъ

грамотъ, по разбору взаимныхъ споровъ; тамъ же обсуждались и болѣе общіе вопросы, словомъ—шелъ процессъ осуществленія „Положеній“ на самомъ дѣлѣ, въ конкретныхъ формахъ, и рѣшалась участь огромной массы деревень. Означенные журналы, представляя ходъ преній въ присутствіяхъ, отзывы и отдѣльныя мнѣнія ихъ членовъ, въ значительной мѣрѣ характеризовали направленіе крестьянскаго дѣла по мѣстностямъ, такъ что при помощи этого матеріала можно было судить: гдѣ дѣло ведется справедливѣе и гдѣ пристрастнѣе, гдѣ преобладаютъ крѣпостническія и гдѣ—болѣе достойныя общественныя группы, какими способами проводится одностороннее примѣненіе Положеній и какіе вопросы приобрѣтаютъ большее значеніе на практикѣ. Выяснялись при этомъ и отдѣльныя личности мѣстныхъ дѣятелей, въ качествѣ представителей того или другого направленія. Вообще, вчитываясь въ этотъ матеріалъ, не трудно было войти въ курсъ дѣла, а оно меня сильно интересовало. Еще съ ранней юности видя положеніе крестьянства, я часто возмущался его безправіемъ, приниженностью и общимъ пренебреженіемъ къ его интересамъ, а потому не могъ не относиться участливо къ дѣлу его новаго устройства, создававшего для него и правовыя, и экономическія основы. Да и гдѣ принципы справедливости, человѣчности, порядка и развитія страны затрогиваются такъ чувствительно, какъ въ сферѣ крестьянскаго дѣла, гдѣ больше нуженъ участливый откликъ? Другія дѣла касаются хотя и важныхъ интересовъ, но не настолько, какъ тамъ, гдѣ стоитъ вопросъ о положеніи главной массы населенія,—положеніи, отъ котораго зависитъ характеристика общаго порядка страны. Вѣдь страна рабовъ или нищеты главной массы и страна огражденія права и довольства этой массы—слишкомъ различныя представленія! Я очень жалѣлъ тогда, что мнѣ были закрыты пути къ непосредственному участію въ дѣлѣ устройства крестьянъ, а года черезъ полтора, когда мнѣ открылись эти пути (см. мои статьи о крестьянскомъ дѣлѣ въ Юго-западномъ краѣ, „Вѣстн. Европы“, 1900—1902 гг.), я не могъ не отнестись къ этой дѣятельности съ извѣстнымъ увлеченіемъ. Въ описываемое время, слѣдя за означеннымъ дѣломъ по бумажнымъ только матеріаламъ—хотя и при просторномъ горизонтѣ,—я сталъ втягиваться въ его интересы, а послѣ практическаго участія въ немъ—расположился къ нему еще сильнѣе, такъ что и впослѣдствіи посвящалъ ему наибольшее вниманіе, дѣйствуя возможными для меня способами. Поэтому, припоминая свою давнюю пору, могу сказать, что работа при „Днѣ“, въ 1862 году, втягиваніемъ меня въ крестьянское

дѣло до извѣстной степени предопредѣляла мою дальнѣйшую жизнь.

При установившихся у меня отношеніяхъ къ „Дню“ и постоянныхъ посѣщеніяхъ его кружка, я могъ ближе приглядѣться и къ выдававшейся личности самого Аксакова. Часто приходилось слушать его, много говорить и спорить съ нимъ, какъ въ большомъ обществѣ, такъ и отдѣльно, а потому предо мною довольно рельефно обрисовывался портретъ этого рѣзко отгнѣнашагося отъ большинства современниковъ дѣателя нашей литературной и общественной жизни второй половины прошедшаго вѣка.

Это былъ человѣкъ полный внутренней кипучей энергіи, большой инициативы, исключительной искренности и очень отзывчивый къ интересамъ народа. Черты эти были самыми привлекательными въ его натурѣ. Всего антипатичнѣе ему были: ложь, лицемеріе и своекорыстные мотивы. Слово „ложь“ опъ употреблялъ какъ самое сильное выраженіе въ полемикѣ съ противниками, хотя это слово нерѣдко адресовалось имъ и неудачно, такъ какъ среди полемическихъ увлеченій онъ иногда принималъ за ложь проявленія несходныхъ съ его воззрѣніями принциповъ. Особенно нападалъ онъ на то либеральничанье и гоньбу за „прогрессомъ“, которыя, по его мнѣнію, были дѣломъ показа, а не дѣйствительнаго убѣжденія, и находили исходъ въ громкихъ фразахъ; такія нападки съ его стороны бывали даже черезчуръ часты; —однако не мѣшаетъ вспомнить, что въ описываемую пору подобное фразерство было дѣйствительно очень распространено и такъ перемѣшивалось съ выраженіями настоящихъ убѣжденій, что не легко было отличать искреннихъ людей отъ фальшивыхъ или легковѣсныхъ, достоинство которыхъ стало потомъ обрисовываться примѣрами ренегатства, послѣ котораго бывшіе либералы и прогрессисты очутились въ дебряхъ реакціонерства или противнаго прислужничества силѣ и источникамъ вещественныхъ благъ. Въстѣ съ означенными симпатичными чертами, въ Аксаковѣ дѣйствовала глубокая, такъ сказать стихійная преданность традиціямъ славянофильской школы, своей семьи и ея круга. Страстно любя все русское, онъ постоянно искалъ настоящихъ русскихъ началъ, историческихъ и народно-бытовыхъ, но эта самая страстность порождала увлеченія, сбивавшія его далеко въ сторону. „Западъ“, „Петербургъ“, Петровская традиція пересадки иноземщины на русскую почву, съ пренебреженіемъ ея свойствъ и требованій и разобщеніемъ правительственной и общественной стихіи съ народною—были для него предметами ин-

стинктивнаго отвращенія, своего рода пугаломъ, дѣйствовавшимъ черезъ мѣру. Вполнѣ сознавая безобразія современныхъ официальныхъ порядковъ, не отрицая дурного и въ до-Петровскомъ строѣ жизни, Аксаковъ все-таки видѣлъ въ послѣднемъ больше живыхъ началъ, относя встрѣчавшіяся въ немъ безобразія на счетъ давняго невѣжества и грубости правовъ, но—не ложности принциповъ, а отсюда и происходили вызванія къ преданіямъ до-Петровской Руси. Возставая противъ насильной пересадки иноземнаго, онъ при этомъ иногда такъ зарывался черезъ край, что относился отрицательно и къ незаслуживающему осужденія, изъ подозрительности къ иноземному заимствованію. Этимъ объяснялись нѣкоторые его своеобразные критическіе отзывы о реформахъ, напр., судебной, хотя въ общемъ онъ ей симпатизировалъ, такъ какъ имъ глубоко была прочувствована неправда дореформеннаго судебного порядка. Дайте намъ реформы, только построенныя на русскихъ началахъ, соглашенныя съ русскими традиціями и голосомъ населенія!—вотъ что было его основнымъ желаніемъ. Та же приверженность къ старымъ началамъ сказывалась и во взглядахъ Аксакова на общее государственное устройство, причемъ онъ считалъ возможнымъ совмѣщеніе хорошаго порядка съ отсутствіемъ формальныхъ гарантій противъ эксцессовъ власти, то-есть, былъ солидаренъ съ извѣстнымъ возгласомъ своего брата Константина: „Гарантія есть зло; пусть лучше разрушится жизнь, чѣмъ стоять съ помощью зла“! Достаточнымъ средствомъ противъ означенныхъ эксцессовъ Аксаковъ считалъ свободу общественнаго мнѣнія и слова, не останавливаясь предъ соображеніями о зависимости самой свободы отъ вопроса о гарантіяхъ. Вообще, предъ нимъ носился образъ такого дерева безгарантійности, на которомъ, въ видѣ плодовъ, растутъ и свободное слово, и развитіе общественной и народной жизни страны. Это была очень характерная комбинація, но она же была источникомъ многихъ взаимныхъ противорѣчій. Ихъ пародировали такъ: очень хороши груши, а для полученія ихъ надо разводить вербу!

Живя преимущественно въ идейномъ мірѣ, Аксаковъ, однако, мало знакомъ былъ съ современными русскими бытовыми сферами, особенно съ провинціальною жизнью, отчего нерѣдко подпадалъ вліянію фикцій. Дворянство и вообще болѣе образованные круги онъ зналъ, но остальные сферы часто представлялись ему не въ дѣйствительномъ видѣ, а въ томъ, въ какомъ бы ему желалось ихъ видѣть. То-есть, въ этомъ отношеніи онъ отчасти жилъ въ „эмпирияхъ“. Чтобы не распространяться объ этомъ

много, останавлиюсь на одномъ примѣрѣ, именно на его отноше-
ніи къ духовенству. О монашескомъ или высшемъ духовенствѣ
еще случалось слышать отъ Аксакова серьезныя критическіе от-
зывы, но бѣлое, особенно сельское духовенство представлялось
ему въ очень идеализированномъ видѣ. Въ немъ онъ видѣлъ хра-
нителей русскихъ началъ, въ немъ предполагалъ неугасающій
священный огонь заботъ о просвѣщеніи народа, и потому выска-
зывался за сосредоточеніе низшаго народнаго образованія въ
церковныхъ школахъ. Такъ какъ школьный вопросъ въ ту пору
выдвигался на очередь, то по этому предмету бывало много спо-
ровъ, въ которыхъ мнѣ приходилось принимать немалое участіе,
потому что я видалъ церковныя школы на югѣ и былъ нѣсколько
знакомъ съ нравами провинціального духовенства. Тогда особенно
было на эффектъ размноженіе церковныхъ школъ въ кievской
епархіи. Едва появилось распоряженіе митрополита Арсенія объ
ихъ открытіи, какъ посыпалась разомъ такая масса официаль-
ныхъ сообщеній о томъ, что казалось, будто школы есть уже въ
каждомъ приходѣ, а число учениковъ обѣщаетъ исчезновеніе без-
грамотности въ кievской губерніи всего черезъ нѣсколько лѣтъ.
Наружный эффектъ былъ блестящій: вотъ, молъ, что можетъ
сдѣлать сельское духовенство и притомъ какъ быстро! Но бѣда
была въ томъ, что весь успѣхъ оставался въ бумажныхъ вѣдо-
мостяхъ. На самомъ же дѣлѣ большая часть школъ существо-
вала номинально, а изъ остальныхъ многія находились въ самомъ
жалкомъ и бесполезномъ состояніи: сгоняемые крестьянскіе маль-
чики оставались безъ учителя, лишь изрѣдка навѣщаемые дьяч-
комъ или пономаремъ, проводили время въ бездѣльи, за нѣ-
сколько мѣсяцевъ ничему не выучивались и т. под. Словомъ, на-
ружный блескъ нисколько не соотвѣтствовалъ внутреннему содер-
жанію, что въ послѣдствіи было обличаемо и мѣстнымъ учебнымъ
вѣдомствомъ, у котораго по этому поводу возникла даже острая
борьба съ духовенствомъ. И вотъ, когда, бывало, выдвинутъ Акса-
кову внушительныя факты подобнаго рода и пойдетъ рѣчь о не-
обходимости считаться не съ тѣмъ, что должно бы быть и что
желательно, а съ тѣмъ, что существуетъ на дѣлѣ, т. е. не съ
предполагаемымъ духомъ жизни, а съ наличными безучастіемъ и
казенщиною—онъ начинаетъ уступать и самъ негодуетъ, а спустя
нѣкоторое время опять поддается той же вѣрѣ въ живое твор-
чество сельскаго духовенства, показывая, какъ нелегко ему раз-
ставаться со сложившимися фикціями.

Также не въ мѣру расположенъ онъ былъ видѣть въ раз-
ныхъ народностяхъ московскія симпатіи, которымъ-де только

мѣшаютъ выражаться посторонніе элементы. Многому въ исторіи и современности онъ давалъ объясненія въ смыслѣ подобныхъ симпатій, и такія комбинаціи у него составлялись скоро. Припомню одинъ случай, касающійся давней старины. Разъ зашла рѣчь о Малороссіи и коснулись вопроса, отчего имя Мазепы усвоило тамъ бранный смыслъ. Было замѣчено, что причина тутъ—частое примѣненіе этого имени великоруссами къ хохламъ въ укорительномъ значеніи, такъ какъ не обратились же въ брань имена Выговскаго или Брюховецкаго, тоже измѣнявшихъ московскому государству. Но Аксаковъ рѣшительно возсталъ противъ этого:—нѣтъ, оскорбительность слова „Мазепа“ создана не великоруссами, а самимъ малорусскимъ народомъ, который восчувствовалъ, что Мазепа пошелъ противъ его историческаго тяготѣнія къ Москвѣ.

Чуткость къ защищаемымъ интересамъ и опасливость за нихъ возбуждали въ Аксаковѣ и легковѣріе къ извѣстіямъ и слухамъ. Помню, какъ въ одну изъ пятницъ онъ сообщилъ о полученномъ частномъ извѣстіи, будто въ Петербургѣ готовится разрѣшеніе проживать въ Россіи іезуитамъ. Это его сильно встревожило: новость хоть и несообразная, но чего не дождешься отъ „Петербурга“! Не мало о томъ было горячихъ рѣчей, и Аксаковъ даже громко заговорилъ противъ допущенія іезуитовъ въ своей газетѣ, а потомъ оказалось, что означенный слухъ не имѣлъ никакого основанія.—Но вмѣстѣ съ подобною подозрительностью у Аксакова проявлялся и избытокъ довѣрчивости къ людямъ. Будучи самъ человѣкомъ прямымъ, искреннимъ, онъ легко довѣрялъ тѣмъ, кто попадалъ въ его ноту, поддаваясь къ его взглядамъ. Не нужно называть именъ, но извѣстно, какъ втирались въ близость къ нему и выставлялись солидарностью съ нимъ люди, просто старавшіеся устроить свои дѣлишки и не имѣвшіе съ нимъ въ нравственномъ отношеніи ничего общаго.

Вообще, въ Аксаковѣ исканіе правды соединялось съ страстнымъ отношеніемъ къ опредѣленнымъ идеямъ и фикціямъ, причемъ брали верхъ то одно, то другое. Хотѣлось, чтобы правда и была, и выходила такою, какъ желательно. А затѣмъ полемическія увлеченія и вліяніе возраста, давая перевѣсъ чувству, вводили Аксакова въ большую и большую нетерпимость, которая уже очень давала себя чувствовать въ послѣдніе годы его жизни. Последнее изданіе его, „Русь“, сильно уже отличалось отъ „Дня“.

Ө. Воропоновъ.

СОРОКЪ ЛѢТЪ

ТОМУ НАЗАДЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Окончаніе.

VI *).

Осень 1862 года.

Начало шестидесятыхъ годовъ вообще было очень отзывчиво къ общественнымъ интересамъ, да и крупные интересы этого же рода выдвигались тогда одинъ за другимъ. Печать имѣла значительную возможность не только обсуждать вопросы и критиковать проекты, но и обличать въ этихъ интересахъ отдѣльные жизненные факты, приводя имена и подробности обстоятельствъ. А при такой возможности сами органы печати относились къ своему дѣлу болѣе серьезно, стараясь выяснять дѣйствительность и ея нужды ради достиженія основательныхъ понятій о нихъ, а направленія—проводить наиболѣе опредѣленныя. Вопросъ о „направленіи“ былъ тогда на первомъ планѣ. Флюгерство, ловленіе внѣшнихъ вѣяній, угожденіе низменнымъ вкусамъ и инстинктамъ, безразлично къ ихъ достоин-

*) См. выше, іюль, стр. 5.

ству, не имѣли такого простора, какой они получили въ послѣдствіи; напротивъ, если проявлялись гдѣ-нибудь подобныя попользовенія, то они возбуждали въ обществѣ чувство отвращенія. Поэтому печать являлась извѣстною нравственною силою и роль ея въ болѣе мѣрѣ была—наставительная. Значительная часть ея отражала лучшіе элементы общества, и общество болѣе заимствовало отъ нея серьезными мыслями, чѣмъ искало въ ней развлеченія. При такихъ условіяхъ, то, чѣмъ занималась печать, показывало—какія мысли обращались въ обществѣ.

Въ началѣ осени 1862 года ожидали большихъ реформъ отъ близкаго будущаго, но преобладающій интересъ принадлежалъ еще крестьянскому дѣлу. Какъ объяснено было выше, въ это время шелъ процессъ практической развязки крестьянско-помѣщичьихъ отношеній по разнымъ деревнямъ. Между прочимъ, прилагалось много усилій къ одностороннему устройству интересовъ ¹⁾. Понятно, поэтому, какъ распространено и напряжено было вниманіе къ тому, насколько бумажныя рѣшенія „Положеній“ уберутся отъ искаженій на практикѣ, въ какую плоть и кровь облекутся они, тѣмъ болѣе, что люди, заинтересованные въ крестьянскомъ дѣлѣ, встрѣчались почти во всѣхъ сферахъ. А на такой вопросъ всего краснорѣчивѣе могли отвѣчать отдѣльныя примѣры съ ихъ подробностями, показывавшіе—какъ устроилось дѣло помѣщика такого-то съ крестьянами такого-то селенія. Случаи успѣха неправильностей и примѣры встрѣченныхъ злоупотребленій препонъ давали основанія судить о степени существовавшаго простора несправедливостямъ и о солидности гарантій противъ нихъ. Но печать въ этой области не только удовлетворяла читательскому интересу, а еще въ значительной мѣрѣ помогала самому дѣлу, такъ какъ ея критика и вообще гласность не оставались безъ вліянія на самихъ тѣхъ, отъ кого зависѣлъ исходъ крестьянскихъ дѣлъ. Чтѣ могло бы быть продѣлано или пропущено втихомолку—не могло проходить такъ успѣшно, ставъ предметомъ общаго вниманія, въ томъ числѣ и представителей власти, которые въ тогдашнее живое время очень считались съ силою публичнаго сужденія; да и люди, непосредственно заинтересованные въ односторонностяхъ, совѣстились освѣщенія некрасивыхъ дѣйствій. И вотъ, отдѣльныя кре-

¹⁾ Вотъ гдѣ значительная часть корней пресловутаго вопроса объ „оскуднѣніи центра“, причинъ котораго у насъ ищутъ такъ невпопадъ. Односторонности проявлялись вездѣ, но въ западномъ краѣ крестьянъ выручала политика, а на югѣ и востокѣ—земельный просторъ; въ центрѣ же выручать было нечему, и односторонности остались безъ противовѣса.

стьянскія дѣла стали выплывать въ печати массою; одни занимали мѣсто въ провинціальныхъ корреспонденціяхъ между разными текущими фактами, а другимъ посвящались спеціальныя статьи. Много бы можно было почерпнуть изъ этого матеріала, но въ виду его обилія ограничусь приведеніемъ, для образца, только одного дѣла, выдававшагося какъ по способу обращенныхъ на крестьянъ дѣйствій, такъ и по видности положенія помѣщика.

Пересматривая печатные журналы губернскихъ присутствій, наткнулся я разъ на возникшій въ ярославской губерніи споръ между адмираломъ кн. Меншиковымъ (бывшій морской министръ и главнокомандующій въ крымскую войну) и крестьянами Васильевской волости. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. По „Положенію“ назначена была для каждой мѣстности опредѣленная норма высшаго крестьянскаго земельного надѣла на душу, съ тѣмъ, что если фактически у крестьянъ земли въ пользованіи было столько же или больше, то они имѣютъ право получить въ надѣлъ полную означенную норму, а если меньше, то — должны удовольствоваться сохраненіемъ этого меньшаго противъ нормы количества. У васильевскихъ крестьянъ земли было больше нормы, слѣдовательно они имѣли право на полученіе въ надѣлъ полной нормы, но противъ этого-то съ противоположной стороны заранѣе подготовлена была замысловатая атака. Еще за два года до изданія „Положеній“, когда основанія ихъ были неизвѣстны, но о предстоявшей постановкѣ размѣра надѣла въ зависимость отъ фактическаго крестьянскаго пользованія могло знать лицо, принадлежавшее къ высшимъ сферамъ, уполномоченный кн. Меншикова, чиновникъ Егоровъ, объявилъ крестьянамъ помѣщичій „приказъ“ — согласиться на уменьшеніе ихъ земельного пользованія, причемъ отрѣзка была обѣщана имъ же въ аренду. Крестьяне не соглашались; имъ пригрозили взысканіями, и въ результатѣ явился письменный ихъ приговоръ съ выраженіемъ не только вытребованнаго согласія, но еще и благодарности помѣщику. Вдобавокъ, написаны были условія, на основаніи которыхъ каждый крестьянинъ оставлялъ за собою въ арендѣ ту самую долю земли, которая считалась отрѣзанною отъ его участка, а въ арендную плату обращалась та доля прежняго же оброка, какая причиталась на эту отрѣзку. Такимъ образомъ, въ сущности никакой перемѣны сдѣлано не было, каждый продолжалъ владѣть, чѣмъ владѣлъ, и платить, что платилъ, — но па бумагѣ части крестьянской земли и платежей переименовались въ арендныя. Все это, не отражаясь ни на

крестьянскихъ, ни на помѣщичьихъ выгодахъ, въ первое время могло казаться даже безцѣльнымъ, но цѣль оказалась послѣ изданія „Положеній“, когда дошло до составленія уставныхъ грамотъ. Представитель кн. Меншикова, показывая, для исчисления надѣла, фактическое крестьянское пользованіе, исключилъ изъ него мнимо-отрѣзную землю, въ качествѣ арендной, и такъ какъ затѣмъ остатокъ этого пользованія оказался мѣньшимъ противъ установленной нормы, то онъ и назначилъ крестьянамъ въ надѣлъ по уставной грамотѣ, вмѣсто полной нормы, только это уменьшенное количество земли. Значитъ, фиктивная аренда введена была для будущей убавки надѣла. А эта убавка имѣла еще связь съ размѣромъ платежей, такъ какъ при полномъ надѣлѣ — за него назначался точно опредѣленный оброкъ, а при уменьшенномъ — оброкъ этотъ понижался не соотвѣтственно убавкѣ надѣла, а въ меньшей степени, потому что цѣлая половина полного оброка за душевой надѣлъ налагалась на одну первую его десятину, отчего, по полученіи, напр., половины надѣла, мужику приходилось платить три четверти оброка, и т. далѣе. Словомъ, земли крестьянамъ у кн. Меншикова давалось меньше должнаго, а каждая десятina облагалась платежомъ сильнѣе, и это былъ выдающійся примѣръ того, какъ обрѣзываніе крестьянскихъ выгодъ предусмотрительно подготовлялось еще раньше изданія „Положеній“. Понятно, что крестьяне стали возражать противъ уставныхъ грамотъ, добиваясь полного надѣла; ихъ поддерживалъ и мировой посредникъ, возвратившій грамоты Егорову, съ указаніемъ, что надѣлъ долженъ опредѣляться сообразно дѣйствительному положенію, бывшему при крестьянскомъ освобожденіи, а не тому фиктивному, какое выставлялось по имѣнію кн. Меншикова. Тогда Егоровъ выступилъ съ своими возраженіями, обвиняя мирового посредника въ томъ, что онъ противится состоявшемуся между помѣщикомъ и крестьянами соглашенію и, не довѣряя добровольности этого соглашенія, тѣмъ самымъ входитъ, вопреки закону, въ разборъ дѣйствій помѣщика во время крѣпостного права, то-есть нарушаетъ священный принципъ неприкосновенности крѣпостныхъ дѣйствій для критики. Губернское присутствіе сначала само стало на точку зрѣнія посредника, но потомъ обнаружило колебаніе, и такъ дѣло оставалось въ неопредѣленномъ положеніи.

Встрѣтивъ столь выдающееся дѣло, я составилъ о немъ статью, и Аксаковъ немедленно помѣстилъ ее въ „Днѣ“. Въ дѣлѣ этомъ особенно бросалась въ глаза попытка явно извратить значеніе добровольныхъ соглашеній. Законъ, дѣйстви-

тельно, очень благопріятствовали подобнымъ соглашеніямъ, но — современнымъ, состоявшимся уже при равноправности сторонъ, когда каждая изъ нихъ могла свободно принимать или отклонять предложенія другой, а какую же добровольность можно было признавать въ дѣйствіи, совершенномъ при крѣпостномъ правѣ, когда съ одной стороны объявлялся „приказъ“, подкрѣпленный угрозою наказанія, а другая, по закону же, должна была непрекословно повиноваться! Да и понятіе „аренды“ предполагаетъ взаимно-независимыхъ людей, изъ которыхъ каждый владѣть договорнымъ правомъ, защищеннымъ закономъ отъ нарушеній съ противной стороны; а что это за арендаторы, у которыхъ владѣлецъ во всякое время могъ и отнять землю безъ внимательства властей, и потребовать за нее, не стѣсняясь уговоромъ, что ему вздумается! Наконецъ, рѣзкою несообразностью представлялось и то, что помѣщичья сторона отрицала право властей входить въ разборъ достоинства того самаго, состоявшагося при крѣпостномъ правѣ соглашенія, исполненія котораго она требовала отъ тѣхъ же властей уже при крестьянской свободѣ. — Опубликованіе этого замѣчательнаго дѣла произвело впечатлѣніе. Какъ только оно появилось въ печати — въ редакцію „Дня“ присланы были изъ орловской и владимірской губерній отъ двухъ тамошнихъ мировыхъ посредниковъ сообщенія, что точно такія же дѣла возникли и въ ихъ мѣстностяхъ по другимъ Мепшиковскимъ имѣніямъ; а затѣмъ обнаружилось, что то же самое сдѣлано было еще въ двухъ большихъ имѣніяхъ кн. Меншикова — въ тульскомъ и въ 28 деревняхъ Круговской вотчины клинскаго уѣзда, московской губерніи. Въ этихъ послѣднихъ деревняхъ надѣлъ уменьшался даже слишкомъ вдвое, съ 6 десятинъ на 2¹/₂ десятины на душу, и мировой посредникъ уже утвердилъ-было грамоты, произведя надъ крестьянами за ихъ несогласіе расправу арестами; защиту же крестьянскихъ интересовъ здѣсь принялъ на себя А. М. Унковскій. Сходство обстоятельствъ во всѣхъ упомянутыхъ дѣлахъ доходило до стереотипности: и бумажное распредѣленіе крестьянской земли на надѣльную и арендную предъ изданіемъ „Положеній“, и вынужденные приговоры, и урѣзка надѣла по уставнымъ грамотамъ; даже дѣйствующимъ лицомъ съ помѣщичьей стороны всюду оказывался одинъ и тотъ же чиновникъ Егоровъ. Словомъ, во всѣхъ этихъ имѣніяхъ подготовлена была издалека одинаковая атака на крестьянское право. Всѣ вновь обнаруженные дѣла попали въ свою очередь на страницы „Дня“. Круговскіе крестьяне прихо-

дили въ Москву къ Унковскому, являлись и въ редакцію „Дня“, а иногда Унковскій присылалъ ихъ и ко мнѣ.

Мировые посредники и губернскія присутствія относились къ перечисленнымъ дѣламъ различно: была и защита крестьянъ, встрѣчались рѣшенія противъ нихъ, проявлялись и колебанія; но вліяніе печати брало свое, и въ результатѣ всюду губернскими присутствіями было утверждено право крестьянъ на спорную землю; раскинувшаяся въ нѣсколькихъ губерніяхъ махинація такимъ образомъ не удалась. На вліяніе печати, кромѣ сообщеній съ мѣста, указывало еще то, что экземпляры рѣшеній губернскихъ присутствій немедленно присылались въ редакцію „Дня“. При этомъ особенно выдавалось постановленіе тульскаго присутствія. Оно состоялось по большинству голосовъ, а при отдѣльномъ мнѣніи остался губернскій предводитель, который твердо стоялъ на томъ, что у кн. Меншикова несомнѣнно было съ крестьянами „добровольное“ соглашеніе, и основывалъ это на такихъ соображеніяхъ: „распоряженіе помѣщика (объ отрѣзкѣ земли для аренды) было объявлено; крестьяне признали его для себя невыгоднымъ, начали жаловаться, неповиноваться; ихъ усмирили... они же, видя невозможность сопротивляться, подчинились; а такое подчиненіе есть *соглашеніе по крѣпостному праву*“. Вотъ какія юридическія понятія циркулировали еще мѣстами въ ту пору!

Публичная критика означенныхъ дѣлъ не оставалась неизвѣстною и самому кн. Меншикову. Онъ не оправдывался въ печати, но, — какъ рассказывали круговскіе крестьяне, — пріѣхалъ разъ въ Круговское имѣніе, созвалъ крестьянъ и при нихъ сталъ бранить Егорова, обвиняя его во всей этой исторіи: это, молъ, ты все затѣялъ; я вовсе не хотѣлъ обижать своихъ мужиковъ, я желалъ быть съ ними въ мирѣ, а ты вздумалъ меня съ ними ссорить; изъ-за тебя теперь на меня пальцами указываютъ, меня ославили и т. д. — Но другого рода рѣчь пришлось тѣмъ же крестьянамъ выслушать отъ мѣстнаго губернатора. Послѣдній, — по словамъ ихъ, — прибывъ въ Круговскую волость, сдѣлалъ имъ грозное внушеніе въ такомъ родѣ: — Понимаете ли вы, что я хоть и губернаторъ, а ничего не значу въ сравненіи съ такимъ лицомъ, какъ вашъ помѣщикъ! Какъ же вы осмѣлились заводить съ нимъ такіе споры! и т. д. — Затѣмъ сдѣланы были разныя стѣснительныя для крестьянъ административныя распоряженія.

Вообще, печать въ то время играла немалую роль въ крестьянскомъ дѣлѣ. Однако, не всегда это удавалось, потому что и тогда встрѣчались дѣла нѣкоторыхъ лицъ, ограждавшіяся отъ

гласности. Статьи о подобныхъ дѣлахъ, бывало, набирались, но затѣмъ корректуры ихъ возвращались, украшенные цензорскимъ veto, такъ что становилось неяснымъ — чьи дѣла могутъ и чьи — не могутъ подлежать оглашенію. Различіе въ направленіи крестьянскаго дѣла по мѣстностямъ обращало на себя и правительственное вниманіе. Около того же времени назначена была порученная сенатору Капгеру ревизія крестьянскаго дѣла въ двухъ губерніяхъ: калужской и владимірской. Въ первой изъ нихъ ревизію вызвали громкія помѣщичьи жалобы на направленіе, даваемое дѣлу губернаторомъ Арцимовичемъ, котораго обвиняли въ систематическомъ крестьянофильствѣ и дѣйствованіи во вредъ помѣщикамъ, причемъ раздутыя жалобы подобнаго рода встрѣтили печатную поддержку въ органѣ Каткова. Въ самомъ составѣ калужскаго губернскаго присутствія шла острая внутренняя борьба, и хотя большинство было на сторонѣ Арцимовича, но стойко держалась и оппозиція, причемъ съ отдѣльными мнѣніями въ антикрестьянскомъ духѣ то-и-дѣло выступали члены фонъ-Ренне и Зыбинъ. Ревизія, однако, не подтвердила обвиненій, и для удаленія Арцимовича изъ Калуги понадобилось прибѣгнуть къ почетной формѣ — назначенію его сенаторомъ одного изъ московскихъ департаментовъ, послѣ чего калужской оппозиціи открылся уже болѣйшій просторъ. Напротивъ, во владимірской губерніи сенатору Капгеру пришлось обнаружить не мало неправильностей въ противоположномъ направленіи. Тамъ вѣсы больше бывали наклоняемы на помѣщичью сторону и стѣснялись крестьяне, что проявлялось иногда довольно рѣзко; противъ большинства же въ губернскомъ присутствіи выступалъ съ болѣе достойными мнѣніями членъ присутствія Спиридовъ, который, помнится, и поплатился за свою стойкость удаленіемъ по министерской инициативѣ. Боевое было время въ мірѣ крестьянскихъ учреждений. Капгера я тоже разъ встрѣтилъ на Аксаковской пятницѣ.

Начало октября принесло крупную новость, давшую печати надолго обильный матеріалъ для сужденій: разомъ объявлены были „Основныя Положенія“ для двухъ новыхъ большихъ реформъ, судебной и земской. Органы печати съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ обратились къ первой изъ нихъ. Огромная важность судебного преобразованія и новизна его началъ могли и сами по себѣ достаточно объяснять это вниманіе, но перевѣсу его особенно содѣйствовало то, что ужъ черезчуръ наболѣла всѣмъ неправда стараго суда, такъ какъ кривосудіе и взяточничество напоминали о себѣ ежедневно. Жажда скорѣе избавиться отъ

этой язвы или хоть облегчить страданія съ этой стороны была очень острымъ чувствомъ того времени. Проектированныя же: гласность судопроизводства, учрежденіе присяжныхъ, мировой судъ и организованная адвокатура представлялись такими коренными отличіями отъ стараго судебного строя, что не могли не заинтересовать собою живѣйшимъ образомъ все русское общество. Оттого судебная реформа и выдвинулась на первый планъ. Во всѣхъ печатныхъ органахъ выступили ряды статей о будущемъ судѣ, объявленныя „Положенія“ разбирались съ различныхъ сторонъ и къ нимъ прилагались всѣ наличныя точки зрѣнія. Между прочимъ, пришлось приложить къ нимъ славянофильскую, и тутъ неизбѣжно выступили своеобразности.

Аксаковъ, глубоко возмущавшійся старымъ судомъ, но въ то же время старавшійся все освѣщать воззрѣніями своей школы, впалъ въ нѣкоторую двойственность. Съ одной стороны онъ чувствовалъ, что въ проектахъ реформы есть много живого и несомнѣнно гораздо лучшаго по существу, а съ другой—не оставляли его обычная подозрительность къ заимствованіямъ изъ иностранныхъ образцовъ и къ „Петербургу“, привычка къ оппозированію имъ, а также—желаніе согласить и это новое дѣло съ всегда искомыми древними русскими началами; ему хотѣлось, чтобы реформа была очищена отъ всякой подражательности. Отъ такого смѣшенія пошли впережежку сочувствія съ отрицаніями. Сначала Аксаковъ выступилъ съ собственною статьею, въ которой иронически замѣчалъ, что мы-де живемъ наканунѣ возведенія Россіи въ новый чинъ цивилизованнѣйшаго государства на европейскій манеръ; что Петербургъ, безъ совѣта съ представителями населенія, даритъ насъ усовершенствованными учрежденіями въ исправленномъ переводѣ съ иностраннаго; приводилъ документальныя справки о томъ, какъ для выработки Уложенія царя Алексѣя Михайловича привлекались выборные люди, трунилъ надъ звучащими по-иностранному словами „кассация“, „сессія“ и т. под. Одобряя публичность и гласность суда, онъ замѣчалъ, что если старый судъ весь былъ безобразнымъ наслѣдіемъ Петровской эпохи, то и въ новомъ проектѣ слабо слышится присутствіе народной мысли, такъ что остается вопросомъ—насколько новыя формы будутъ менѣ чужды, меньше жать и тѣснить народную жизнь. Но потомъ онъ далъ въ своей газетѣ просторъ обстоятельнымъ разборамъ „Положеній“, которые и потянулись на нѣсколько мѣсяцевъ, не всегда между собою согласуясь. Однако, изъ своеобразной двойственности отношенія къ дѣлу въ самомъ началѣ возникла непріятная исторія.

Въ числѣ первыхъ критиковъ „Положеній“ выступилъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Аксакова—Н. П. Гилъровъ-Платоновъ (тогдашній цензоръ)—человѣкъ особенныхъ воззрѣній, во многомъ симпатичныхъ, примыкавшихъ къ славянофильству, но доходившихъ иногда до странности. Какъ цензоръ, онъ былъ извѣстенъ полнымъ сочувствіемъ свободѣ слова,—за что ему доставалось по службѣ,—и самъ онъ писалъ много. У него была склонность проникать въ сущность предметовъ „поглубже“, освѣщать вопросы съ бытовой точки зрѣнія, по части народнаго духа и народныхъ понятій, которыхъ онъ считалъ себя знаткомъ—стремленіе въ сущности почтенное, но при увлеченіяхъ нерѣдко заводящее на скользкій путь, потому что глубины народнаго духа не очень легко даются нашему вѣдѣнію, а, неосторожно разбираясь между ними, можно попадать мимо и забираться въ дебри, производя такое впечатлѣніе, что тутъ человѣкъ просто „мудритъ“. Съ такимъ пріемомъ подошелъ Гилъровъ-Платоновъ къ вопросу о присяжныхъ и сразу перемудрилъ, набросивъ на будущность этого учрежденія мрачный колоритъ. Заявивъ вначалѣ, что нѣтъ и не можетъ быть ни одного народа въ мірѣ, для котораго бы не годился судъ присяжныхъ, онъ вслѣдъ затѣмъ предусматривалъ для этого суда у насъ неудачу, опасность опошленія и несоотвѣтствіе интересамъ правосудія. Крестьяне,—предрекалъ онъ,—будутъ тяготиться участіемъ въ судѣ присяжныхъ не только потому, что, при дальности и дороговизнѣ отлучекъ отъ хозяйства, это обратится для нихъ въ тяжелую повинность, но и потому, что судить обвиняемаго вообще несогласно съ ихъ духомъ: какъ-де судить христіанскую душу, когда „чужая душа потемки“! Налагать кару—несовмѣстно съ любовью къ ближнему, съ понятіемъ о человѣческой ограниченности, и, вообще, осужденіе есть дѣйствіе, приличествующее только власти Божіей. Пусть, дескать, караетъ власть, а самому идти на такое дѣло, какъ причиненіе страданія ближнему—грѣшно. Купцу и чиновнику отрываться отъ своихъ дѣлъ въ судѣ присяжныхъ тоже будетъ тяжело, а охотно потянутся въ присяжные развѣ помѣщикъ-прогрессистъ, студентъ и т. под. Поэтому, при смѣшанномъ составѣ присяжныхъ, представители собственно народной совѣсти окажутся пассивными, не поймутъ они прокурорскихъ и адвокатскихъ рѣчей съ ихъ жестами, станутъ уклончиво подчиняться „господамъ“ и пренебрежительному къ нимъ давленію предсѣдателя. При такихъ условіяхъ, преступленія противъ собственности будутъ оправдываться всегда, убійства—часто, нравственные въ тѣсномъ смыслѣ проступки—

рѣже, а непремѣнному обвиненію подвергались бы обвиняемые въ проступкахъ политическихъ, во всякомъ возстаніи противъ власти, если бы сужденіе о послѣднихъ предоставлено было присяжнымъ; стало быть, присяжные легко могутъ оказаться лишнею мебелью въ судѣ.—Въ одномъ же мѣстѣ Гиляровъ выразился такъ, что обязанность судить людей „противна нравственному чувству“.—Вотъ какія мрачныя и сбивчивыя представленія вынесла неосторожная экскурсія въ область народнаго духа: и годны присяжные для всякаго народа въ мірѣ, и обратятся въ лишнюю мебель у русскаго народа, словно русскіе—рѣзкое исключеніе по неспособности къ пользованію общественною властью; а возможные отрицательные примѣры обобщались до затушевыванія всего положительнаго въ учрежденіи.

Отзывъ Гилярова-Платонова одиноко прозвучалъ среди другихъ, сочувственныхъ реформъ, отзывовъ и вызвалъ въ печати неблагопріятную оцѣнку. Между прочимъ, рѣзко выступилъ противъ него въ неподписанной статьѣ оди́нъ изъ публицистовъ „Нашего Времени“, Мельгуновъ. Замѣчаніе, что обязанность судить людей „противна нравственному чувству“, онъ понималъ въ томъ смыслѣ, будто по мнѣнію Гилярова новый судъ призывается „совершать безнравственныя дѣйствія“—и пошла острая полемика. Гиляровъ обидѣлся и отвѣтилъ своему противнику высокомернымъ тономъ, усматривая въ приписываніи ему (Гилярову) означеннаго мнѣнія „кинутое изъ-за угла фальшивое обвиненіе“, желаніе очернить противника, выставить его врагомъ общественнаго порядка, словомъ—придалъ словамъ публициста „Нашего Времени“ характеръ литературнаго доноса. Пошли укоры въ непониманіи того, что понятно даже малолѣткѣ, въ неспособности различать понятія о безнравственномъ и только противномъ нравственному чувству, а дальше Гиляровъ насмѣшливо обратился еще къ объяснительнымъ примѣрамъ, которые-де болѣе доступны разумѣнію несильныхъ умовъ: отецъ, молъ, наказывая свое дитя за проступокъ, не дѣлаетъ ничего безнравственнаго,—однако это противно его нравственному чувству; кредиторъ, требуя уплаты долга, тоже поступаетъ не безнравственно, но это можетъ быть противно нравственному чувству, потому что простить долгъ было бы несомнѣнно еще нравственнѣе. Все это высказывалось въ такихъ вызывающихъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ, что Мельгуновъ обидѣлся еще сильнѣе Гилярова (тогда въ писательской средѣ еще не отвыкли считать мерзостью литературный доносъ) и печатно, въ очень недвусмысленной формѣ, потребовалъ удовлетворенія *доломъ*, т.-е., какъ всѣ

поняли, вызывалъ на дуэль. Такъ понялъ и самъ Аксаковъ, замѣтившій потомъ въ своей газетѣ, что подобному требованію мѣсто не въ гласной печати, такъ какъ оно „должно дѣлаться иначе и при другихъ условіяхъ“, причемъ съ своей стороны выразилъ согласіе принять на себя за Гиларова отвѣтственность дѣломъ, если не окажется возможнымъ покончить все объясненіями. Исторія приняла тревожный характеръ, и трудно было предугадывать исходъ. Острый моментъ для него пришелся какъ разъ на ноябрьскій пятничный вечеръ, когда у Аксакова было много гостей. Въ это время посыльные носили записки то отъ Мельгунова къ Аксакову, то отъ Аксакова къ Мельгунову; Аксаковъ имѣлъ угрюмый, сосредоточенный видъ, удалился временно поговорить отдѣльно съ болѣе близкими, а среди остальныхъ присутствовавшихъ шли толки, что переговоры ведутся именно по вопросу о дуэли: неужели Аксаковъ, всегда бывшій противъ подобныхъ расправъ, не выдержитъ послѣдовательности и въ острый моментъ рѣшится на дуэль? А если рѣшится, то какъ печальна будетъ опасность и для него самого, и для такого живого органа, какъ „День“! Однако, въ концѣ вечера Аксаковъ вынесъ изъ кабинета и прочелъ предъ всѣми текстъ своего отвѣта, въ которомъ высказалъ, что такъ какъ чувство чести не можетъ заглушить въ немъ чувства правды, то онъ по совѣсти признаетъ, что какъ Гиларовъ вышелъ изъ дозволенныхъ предѣловъ литературной полемики, давъ тѣмъ своему противнику право оскорбиться, такъ и этотъ послѣдній увлекся еще далѣе, а затѣмъ онъ, Аксаковъ, готовъ отвѣчать и „дѣломъ“. Отвѣтъ этотъ появился въ „Днѣ“, и затѣмъ раздраженіе сторонъ успокоилось. А еще черезъ недѣлю напечатано было и письмо Гиларова, гдѣ онъ, укоривъ Аксакова въ принятіи за него, безъ его согласія, отвѣтственности, заявилъ, что и самъ ни отъ какой отвѣтственности не уклоняется. Такъ завершился своеобразный эпизодъ, вызванный первыми опытами обсужденія проектовъ судебной реформы.

Но замѣчательно, что проектъ земскихъ учреждений въ ту пору почти не возбуждалъ къ себѣ значительнаго интереса, какъ бы теряясь въ лучахъ вопроса о судебномъ преобразованіи. Сколько помню, въ видѣнныхъ мною литературныхъ московскихъ кругахъ объ этомъ проектѣ или ничего не говорили, или ограничивались самыми короткими и поверхностными отзывами, или даже придавали ему не то значеніе, какое онъ имѣлъ. Въ органѣ Каткова, напр., хотя и высказывалось, что затмѣваемый судебною реформою проектъ земскихъ учреждений представляетъ „ко-

лоссальную“ законодательную мѣру, какъ основа мѣстнаго самоуправления, но помимо такого общаго замѣчанія важность земскаго проекта усматривалась въ его связи съ податною реформою, чего на дѣлѣ вовсе не было: въ зависимости-де отъ вопроса о земскихъ учрежденіяхъ находится податная реформа, такъ какъ на эти учрежденія должна быть возложена раскладка податей, а съ устраненіемъ связанныхъ съ подушною податью фискальных стѣсненій личности—Россія въ состояніи будетъ покрывать бюджетные дефициты. Объясненіе выходило туманное и направленное не въ ту сторону, куда слѣдовало. Вообще, не замѣтно было предчувствія того самостоятельнаго творчества, какое проявятъ проектированныя учрежденія, не видѣлось, что выступаетъ большое жизненное дѣло. Хотя будущія земскія собранія и управы являлись несомнѣнно общественными органами, но въ мало благопріятномъ свѣтѣ представлялась ихъ роль. Отчасти это объяснялось тѣмъ, что существовали тогда два вида налога, носившіе названіе „земскихъ“,—крупный „государственный“ и очень маленькій „губернскій“ сборы,—но изъ нихъ въ завѣдываніе новыхъ учреждений передавались предметы назначенія только этого послѣдняго сбора.

— Что-жь,—замѣчали вскользь,—будутъ и новыя большіе органы, а заниматься имъ придется такимъ маленькимъ дѣломъ, которое обходится въ двѣ-три копейки на душу. Да эти органы сами, пожалуй, будутъ стоить дороже,—чѣмъ же тутъ особенно интересоваться!—Мало останавливались на мысли, что будущіе общественные органы займуться не одиѣми обязательными повинностями, но съумѣютъ такъ развить необязательные бюджеты, вводя новыя предметы общественнаго хозяйства, что это и подвинетъ народное образованіе, и создастъ народу врачебную помощь, и удовлетворитъ массу другихъ существенныхъ потребностей мѣстной жизни, и дастъ ощутить дѣйствительное общественное представительство, услышать голосъ настоящихъ жизненныхъ нуждъ. Только уже съ слѣдующаго года земскій вопросъ сталъ выходить изъ тѣни, къ нему начали относиться серьезнѣе, и печать съ большимъ вниманіемъ принялась намѣчать то, что представлялось болѣе нужнымъ для успѣшной дѣятельности земскихъ учрежденій.

Какъ ни притягивали къ себѣ общественное вниманіе ближайшіе крупные вопросы обновленія русской жизни, однако значительная часть его продолжала отвлекаться острыми проявленіями польскаго національнаго движенія, которыя въ это время становились все тревожнѣе. Правительство дѣлало значи-

тельные уступки въ прежней системѣ управленія царствомъ польскимъ, вводило тамъ новыя учрежденія съ мѣстною національною окраскою и другія соотвѣтствующія мѣры, но это не удовлетворяло поляковъ, и выраженія протеста съ ихъ стороны слѣдовали одно за другимъ. Манифестаціи продолжались и въ царствѣ польскомъ, и въ разныхъ пунктахъ западнаго края, и это, вмѣстѣ съ заявленіями заграничной печати, укрѣпляло представленіе, что поляки сохраняютъ притязанія не на одну свою національную свободу, но и на западный край. Послѣднее въ особенности возбуждало русскую, преимущественно московскую печать. Въ концѣ 1862 года еще держались сомнѣнія, успокоится ли все мирнымъ путемъ реформъ, хотя бы медленно и съ трудомъ, или дойдетъ до попытокъ возстанія, но около этого времени выступилъ новый рельефный симптомъ упомянутыхъ притязаній. Въ половинѣ сентября дворянство подольской губерніи, собравшись на выборы, составило адресъ съ ходатайствомъ объ административномъ соединеніи подольской губерніи съ царствомъ польскимъ. Какъ ни старался губернаторъ Брауншвейгъ предупредить или остановить такое дѣло—это не удалось, и адресъ состоялся, послѣ чего предводители были преданы суду и вытребованы въ Петербургъ, а выборы уничтожены и дворянскія собранія прекратились до настоящаго времени. Разумѣется, довольно было взгляда на карту для убѣжденія въ томъ, что ходатайство возбуждалось не ради удобствъ общаго управленія двумя черезполосными странами, а имѣло другую, вовсе не двусмысленную подкладку. Событіе это долго не допускалось къ опубликованію, и свѣдѣнія о немъ сначала передавались только слухами, а въ печать попали слишкомъ черезъ два мѣсяца. Въ Москвѣ оно возбудило большіе разговоры, и на поляковъ посыпались громы негодованія. Въ Аксаковскомъ обществѣ возобновились горячія бесѣды о польскомъ дѣлѣ въ томъ смыслѣ, что оно—вовсе не вопросъ національной свободы: если поляки, требуя свободы для себя, въ то же время посягаютъ на край русскаго населенія, то ихъ цѣль—не свобода, а господство надъ чужою народностью, подавленіе ея свободы, и тутъ они проявляютъ вѣрность традиціи тѣхъ мотивовъ, которые ставили ихъ подъ Наполеоновскія знамена для подавленія геройски защищавшихся испанцевъ и подъ турецкія знамена для поддержки угнетенія балканскихъ славянъ и т. под. А въ болѣе тѣсномъ славянофильскомъ ядрѣ Аксаковскаго общества стали появляться признаки такого раздраженія, какое уже затрудняло разговоръ и, въ послѣдствіи возростая, доходило въ 1863 году до крайностей.

Но если раздражали поляки, то еще большія порицанія обращались на русскихъ помѣщиковъ подольской губерніи, участвовавшихъ въ рѣшеніи дворянства.

— Какъ могли они приложить свою руку къ такому преступному по отношенію къ *ихъ* народности дѣлу!—возмущался Аксаковъ.—Вина ихъ не можетъ быть смягчаема ни національнымъ увлеченіемъ,—какъ у поляковъ,—ни недомысліемъ, ни чѣмъ-либо другимъ, такъ какъ если даже чего не могъ внушить имъ разумъ, то должно было сказать имъ чувство народности, и надо совсѣмъ вытравить въ себѣ это чувство, чтобы присоединиться къ противникамъ своего народа, давъ имъ себя обморочить!—Русскіе помѣщики, дѣйствительно, чувствовали неловкость своего положенія, и, спустя нѣкоторое время, Аксаковымъ получено было изъ подольской губерніи довольно длинное письмо (единоличное или коллективное—не помню), выражавшее попытку оправдать участіе русской группы въ дворянскомъ рѣшеніи. Письмо это читалось и обсуждалось въ пятничномъ собраніи и, дѣйствительно, производило впечатлѣніе неудачнаго оправданія, заключаая въ себѣ рядъ натянутыхъ соображеній. Сколько помню, вмѣстѣ съ осужденіемъ дворянскаго адреса въ принципѣ, тамъ высказывалось нѣчто въ родѣ того, что русскіе дворяне не хотѣли нарушать солидарности общественныхъ дѣйствій, оттѣнять предъ правительствомъ внутреннее разномысліе собранія, и оттого подчинились большинству. А года три спустя, будучи въ подольской губерніи и разговаривая объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми мѣстными помѣщиками-поляками, я слышалъ еще другое объясненіе: да что же и могли бы сдѣлать русскіе помѣщики?—тогда въ дворянскомъ собраніи было такое возбужденіе, что все подавляло, и еслибы кто-нибудь рѣшился заговорить противъ, то его бы въ окно выбросили.

У Каткова я продолжалъ бывать изрѣдка, но тамъ становилось какъ-то душиѣе прежняго. Въ тамошнихъ рѣчахъ начиналъ сказываться переходъ отъ прежнихъ либеральныхъ взглядовъ къ узкимъ, одностороннимъ тенденціямъ нетерпимости, грубой, недоброкачественной борьбѣ съ противниками, къ мотиву *saveant consules!*—скоро сдѣлавшемуся основнымъ конькомъ Катково-Леонтьевскихъ изданій. Въ полемикѣ съ заграничною русскою печатью доходило до грубаго, извращательнаго копанья въ личныхъ біографическихъ подробностяхъ; въ крестьянскихъ дѣлахъ нерѣдко защищалась несимпатичная сторона; по отношенію къ мѣстному управленію и общественному хозяйству, вопреки прежде высказывавшимся мнѣніямъ, стала уже проповѣдываться

отдача ихъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, безъ выбора и даже безъ правительственнаго назначенія, а просто въ силу факта владѣнія крупною собственностью, причемъ своеобразно утилизировался образецъ англійскихъ мировыхъ судей; чаще выступалъ мотивъ политическихъ обвиненій и т. под. Не такъ рельефно являлось это въ формулированномъ видѣ, въ печати, какъ чувствовалось въ устныхъ разговорахъ. Конечно, все это проявлялось гораздо слабѣе, чѣмъ въ послѣдующей Катковской печатной проповѣди; Катковская группа еще только начинала дебютировать на поприщѣ „благонамѣренности“ въ спеціальному смыслѣ, и въ описываемое время Катковъ еще защищалъ многое изъ того, на что впоследствии обрушивался съ яростью ренегата-реакціонера, сжегшаго корабля; но многое производило впечатлѣніе непріятной новизны. Сдвигало Каткова на новый путь, какъ казалось, сперва раздраженіе отъ уязвленія самолюбія противниками, а потомъ не осталась безъ вліянія и та благосклонность, какую онъ встрѣтилъ на осеннемъ офиціальному балу въ Москвѣ, на который онъ былъ приглашенъ и гдѣ почувствовалъ, что можетъ открыться для него новая точка опоры. Его стали цѣнить, какъ виднаго представителя русской печати, готоваго идти противъ непріятныхъ тогдашней администраціи дѣятелей той же печати. Пробудились въ Катковѣ новые инстинкты. Хотя еще въ объявленіи о перешедшемъ къ Каткову съ Леонтьевымъ изданіи „Московскихъ Вѣдомостей“ заявлялось, что „общественное мнѣніе стало безспорною силою“, почему задача редакторовъ—служить этому мнѣнію, возбуждая его энергію,—но уже около того же времени начали въ этихъ редакторахъ смѣшиваться исканіе опоры въ общественной силѣ и своемъ прошломъ со стремленіями къ другимъ опорамъ; а это впоследствии привело Каткова уже къ новому заявленію, въ которомъ онъ объявлялъ свое изданіе только личнымъ своимъ органомъ.

При всей сравнительной слабости проявленій означеннаго новаго духа въ концѣ 1862 года, они производили тогда смущающее впечатлѣніе, потому что въ эту пору литературный міръ относился къ подобнымъ явленіямъ съ большою, чѣмъ впоследствии, щекотливостью, не успѣвъ еще притерпѣться къ ихъ духу, и вслѣдствіе того отъ Катковскаго общества начали сторониться нѣкоторые изъ бывшихъ его участниковъ и сотрудниковъ журнала. Отталкивающее впечатлѣніе производилъ еще одинъ особый эпизодъ: очень характерная обширная полемика Катковскаго изданія съ издателемъ еле державшагося отъ равнодушія публики „Нашего Времени“, Павловымъ, о казенныхъ объявленіяхъ.

ніяхъ. Павловъ доказывалъ, что принадлежавшее Каткову и Леонтьеву, какъ новымъ арендаторамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, право печатать за деньги казенныя объявленія есть вредная монополія, почему слѣдуетъ предоставить такое же право и другимъ издателямъ, а Катковская газета („Совр. Лѣтопись“) усердно принялась оспаривать это покушеніе на интересъ своихъ издателей, оснащая свои статьи и цитатами изъ закона, и высшими соображеніями порядка, дразнила Павлова тѣмъ, что ему хочется не объявленій, а денегъ и т. под. Составилась изъ этого спеціальная литература, сдѣлавшаяся предметомъ многихъ насмѣшекъ и пародій, и публика привлекалась къ занятію пространными размышленіями о предметѣ чисто карманныхъ интересовъ двухъ издателей, какъ большимъ общественнымъ вопросомъ. Новое направленіе Катковскихъ изданій стало развиваться быстро, и скоро доминирующимъ элементомъ въ ихъ политикѣ стали обвиненія въ политическихъ „интригахъ“ и „измѣнахъ“, производившія, однако, на многихъ такое впечатлѣніе, что настоящая-то интрига не тамъ, гдѣ она указывается, а въ самой московской редакціи, сообразившей, что въ практическомъ отношеніи успѣшнѣе самой основательной аргументаціи могутъ дѣйствовать политическіе оговоры, причемъ для пользованія ими надо только освободиться отъ присущихъ обществу понятій о нравственномъ достоинствѣ подобныхъ способовъ дѣйствія.

Трудно припоминать всѣ характерныя оттѣнки бывавшихъ на Катковскихъ пятницахъ разговоровъ, но у меня лично они отбили охоту посѣщать это общество. Послѣдній разъ я былъ тамъ въ концѣ ноября, а съ этого времени *motu proprio* прекратилъ свои появленія и пересталъ брать работу въ редакціи. Для газетнаго труда у меня остался „День“; но вслѣдъ затѣмъ мною было получено изъ Петербурга приглашеніе отъ А. А. Краевского присылать статьи для начинаемой имъ петербургской газеты „Голосъ“, а еще немного времени спустя завязалось у меня сотрудничество въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ подъ новою редакціею В. Θ. Корша.

Слѣдуетъ прибавить въ заключеніе, что на московской публицистической дѣятельности того времени очень неравномѣрно отражалось вліяніе цензуры. Катковскія изданія еще сравнительно мало испытывали это вліяніе, но гораздо большому ея воздѣйствію подвергался воинствовавшій „День“. Цензоромъ при этой газетѣ былъ Θ. И. Рахманиновъ—человѣкъ по натурѣ довольно снисходительный и, по словамъ его, даже сочувствовавшій направленію газеты, но онъ долженъ былъ подчиняться указаніямъ

свыше, а въ ту пору правительственныя сферы, по одному изъ частыхъ у насъ странныхъ недоразумѣній, очень подозрительно относились къ славянофильскому направленію, предполагая въ немъ что-то опасное. Аксаковъ неуклонно писалъ статьи для каждаго нумера, но изъ-за цензуры иногда нѣсколько нумеровъ подрядъ выходило безъ передовыхъ статей. Выкидывались и другія статьи, а инныя допускались къ печати только послѣ цензорскихъ запросовъ въ Петербургъ. Недозволенныя статьи прочитывались въ пятничныхъ собраніяхъ, а иногда публично читались въ „Обществѣ любителей россійской словесности“. Видя подозрительность къ себѣ, Аксаковъ обратился еще къ особому способу: придавалъ своимъ статьямъ форму писемъ со стороны за подписью „Касьяновъ“. Цензура не догадывалась, такія статьи проходили легче, однако и ихъ потомъ постигалъ запретъ. Вообще, не многимъ изъ нашихъ публицистовъ приходилось въ ту пору столько бороться съ цензурою, какъ Аксакову, и только лѣтъ черезъ двадцать послѣ того, когда сущность его стремленій достаточно обозначилась, его рѣчь достигла свободнаго и какъ бы даже привилегированнаго положенія. Впрочемъ, и въ это послѣднее время цензурное управленіе разъ укорило Аксакова въ несогласіи съ истиннымъ патріотизмомъ. Каковъ комизмъ? Покойный Θεоктистовъ даже поучалъ „истинному“ патріотизму Аксакова...

VII.

Тревоги и переломы.

Кончился 1862 годъ. Значеніе его въ исторіи русской жизни было довольно характерно. И въ правительственной, и въ общественной дѣятельности онъ явился періодомъ перелома въ реакціонномъ смыслѣ. До этого года чувствовалось движеніе отъ мрачнаго положенія середины пятидесятихъ годовъ къ свѣту, къ большей свободѣ, къ развитію общественной дѣятельности, къ улучшеніямъ въ сферѣ народнаго быта. Предыдущія пять лѣтъ приносили коренныя реформы и подготавливали такія же для будущаго. Общественный элементъ призывался къ серьезному дѣлу, общественной инициативѣ давался извѣстный просторъ въ различныхъ областяхъ дѣятельности, а печать хотя и далека была отъ достаточно благоприятныхъ внѣшнихъ условій, но все-же ей дышалось гораздо легче прежняго, она охватывала болѣе широкій кругъ предметовъ, и выдвигался вопросъ о поставленіи ея существованія

на юридическую почву. Литературные органы умножались, оживлялись и становились выраженіемъ опредѣленныхъ направленій. Стѣсненность жизни вообще ослабѣвала. Если явленія противоположнаго рода случались, то имѣли эпизодическій характеръ, не складываясь въ цѣльное направленіе. Но съ 1862 года стали показываться обратныя теченія, возникавшія подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ фактовъ, подвергавшихся или не въ мѣру широкимъ обобщеніямъ, или ошибочнымъ отождествленіямъ съ неподходящими предметами. Петербургскіе пожары отождествлялись съ дѣйствіемъ сторонниковъ заграничныхъ политическихъ ученій; появленію прокламацій и листовъ тайныхъ изданій придавалось излишне широкое значеніе; въ неодобряемыхъ сверху сужденіяхъ подцензурной печати стали усматривать вредныя цѣли; многое въ жизни дѣлалось предметомъ раздутыхъ слуховъ и тенденціозныхъ толкованій. Въ результатѣ создавались такіе призраки опасностей, которые, распространяя подозрительность на большую часть видовъ общественнаго движенія, становились источникомъ противообщественныхъ мѣръ. Закрывались устроенныя въ разныхъ мѣстахъ частною инициативою народныя школы, запрещались журналы, цензура усилилась, подвергались личнымъ преслѣдованіямъ литераторы и другіе люди, иногда безъ фактическихъ основаній;—репрессія выступала въ различныхъ видахъ. Не оставалось это безъ отраженія и въ общественной средѣ, гдѣ начали подымать голову ретроградные элементы, выживая сравнительно лучшихъ дѣятелей, и т. под. Съ почина Каткова появились и въ литературномъ мірѣ расколы на новой подкладкѣ, причемъ стало выступать такъ называемое „сикофанство“—выраженіе, пущенное прежде Катковскимъ же органомъ и заимствованное, кажется, Леонтьевымъ изъ древне-греческой жизни, означавшее доносительство на согражданъ.

Начало 1863 года принесло осуществленіе новой реформы, питейной, избавившей населеніе отъ большого зла винныхъ откуповъ. Въ литературномъ мірѣ произошли значительныя перемѣны. „Московскія Вѣдомости“, перейдя въ руки Каткова и Леонтьева, приняли видъ совершенно частной газеты, и то же произошло съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, переданными отъ Академіи Наукъ В. О. Коршу; Краевскій основалъ въ Петербургѣ новую ежедневную газету „Голосъ“, а прежній редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ Очкинъ, при участіи Г. З. Елисеева и М. А. Антоновича,—газету „Очерки“. Возобновились запрещенные журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“, за истеченіемъ продолжительнаго срока ихъ пріостановки. Въ Москвѣ угасла Пав-

ловско-Чичеринская газета „Наше Время“. Съ виду могло казаться, будто литературная жизнь расширяется. Въ общей же внутренней политикѣ стоялъ вопросъ о послѣдствіяхъ встрѣчи господствовавшего нѣсколько лѣтъ освободительнаго духа реформъ съ реакціонными теченіями предыдущаго года: одолѣетъ ли этотъ духъ означенныя теченія, обративъ ихъ въ кратковременный эпизодъ, или, напротивъ, они окажутся сильнѣе? Видѣлись шансы и того, и другого исхода, но начавшійся какъ будто спокойно годъ готовилъ новый печальный сюрпризъ, и упомянутыя теченія оказались началомъ постепенно развивавшагося затяжного направленія, охватившаго длинный рядъ годовъ. Въ январѣ 1863 года вслыхнуло вооруженное польское возстаніе, которое отвлекло къ себѣ значительную часть правительственнаго и общественнаго вниманія отъ внутреннихъ дѣлъ и вызвало неизбежное дѣйствованіе силою съ разными другими видами репрессіи. Это возстаніе значительно поколебало державшееся въ извѣстной степени довѣріе власти къ цѣлесообразности благопріятствованія общественнымъ движеніямъ, и духъ репрессіи, укрѣпленный новымъ мотивомъ, сталъ отражаться и въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Возстаніе сдѣлалось даже бѣльшимъ толчкомъ къ реакціи, чѣмъ петербургскіе пожары.

Первыя вѣсти о возстаніи, особенно касавшіяся одновременныхъ въ разныхъ пунктахъ царства польскаго нападеній на спящихъ нашихъ солдатъ, убиванія послѣднихъ и сожженія домовъ, гдѣ они защищались, производили въ Москвѣ очень тяжелое впечатлѣніе, и негодованіе появилось въ различныхъ классахъ населенія, что можно было замѣчать и въ разговорахъ среди образованныхъ людей, и въ говорѣ уличной толпы. Затѣмъ событія быстро развивались. Борьба съ польскими повстанческими партіями распространилась не только въ царствѣ польскомъ, но и въ различныхъ мѣстностяхъ сѣверо западнаго края, и отразилась въ сравнительно слабой степени даже въ юго-западномъ, между прочимъ подъ Кіевомъ. Весною же начались попытки иноземнаго вмѣшательства въ польское дѣло, въ видѣ обращенныхъ къ нашему правительству дипломатическихъ вѣтъ иностранныхъ правительствъ, а это вызывало призракъ возможной войны и возбуждало у насъ еще большее раздраженіе, такъ какъ тутъ почувствовалось покушеніе на честь и интересы Россіи. Изъ разныхъ русскихъ мѣстностей стали выступать многочисленныя адреса отъ сословій и другихъ общественныхъ группъ съ выраженіемъ правительству готовности самоотверженно отстаивать русскіе государственныя и народныя интересы. Дѣло принимало характеръ солидарности общества и населенія съ правительствомъ въ на-

чавшейся и предвидѣвшейся борьбѣ. Но правительство, усмиряя уже повстанцевъ оружіемъ, дѣлало еще примирительные вызовы.

Вышедшіе въ день Пасхи, 31 марта, манифестъ и указъ сенату объявляли амністію всѣмъ вовлеченнымъ въ мятежъ, которые до 1 мая сложатъ оружіе и возвратятся къ повиновенію, причѣмъ высказывалось, что въ происшедшихъ событіяхъ виновать не польскій народъ, который самъ отъ нихъ страдаетъ, а виѣшніе агитаторы, и давались обѣщанія относительно будущаго. Манифестъ обѣщалъ взволнованному краю открыть „новую эру въ политической его жизни, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы общественнаго зданія“. Ссылаясь на данныя уже царству польскому учрежденія, манифестъ прибавлялъ еще предположеніе, по испытаніи ихъ на дѣлѣ, „приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію“. А въ указѣ сенату сдѣланъ былъ намекъ и на общія русскія реформы; именно, послѣ словъ о сложеніи поляками оружія, было сказано: „Отъ сего зависитъ дальнѣйшее исполненіе предначертаній нашихъ, съ самаго начала Нашего царствованія направленныхъ къ расширенію общественныхъ правъ и постепенному распространенію круга дѣятельности, предоставленной разнымъ мѣстнымъ въ имперіи Нашей учрежденіямъ“. Предложеніе сложить оружіе не подѣйствовало, и тогда прежнее направленіе смѣнилось системою крутыхъ мѣръ, которая сохранилась и послѣ усмиренія мятежа.

Московская печать приняла въ новомъ положеніи польскаго дѣла очень активное участіе. „Московскія Вѣдомости“ сразу стали высказываться за систему безусловнаго подавленія не только возстанія, но и всякаго польскаго общественнаго элемента, не допуская различія между царствомъ польскимъ и западными губерніями. Когда надъ польскимъ краемъ тяготѣла строгая и крѣпкая рука,—разсуждала эта газета,—когда онъ былъ стѣсненъ въ общественной жизни, въ своемъ языкѣ, національныхъ обычаяхъ, и управляла имъ вооруженная сила, безъ всякихъ видовъ на національную самостоятельность,—край былъ спокоенъ; но какъ только измѣнился старый порядокъ, какъ только крѣпкая рука ослабла, національное чувство получило свободу, открылись виды на будущее, преступники возвращены изъ ссылки, въ школахъ стали учить по-польски, данъ университетъ, управленію предоставлена автономія и административныя должности замѣщены поляками—возникло возстаніе. Осуждая данныя въ предыдущемъ году царству польскому учрежденія, „Моск. Вѣд.“ категорически высказывали, что не только объ измѣненіяхъ относительно за-

паднаго края не можетъ быть рѣчи, но напротивъ, должно энергически отстаивать безусловное наше право на царство польское, такъ какъ въ западномъ краѣ населеніе—русское, а Польша принадлежитъ намъ по праву завоеванія, по праву затраченной на него крови, въ силу исторической необходимости. О національныхъ же интересахъ польскаго народа не стѣдуетъ и говорить, потому что этотъ народъ не имѣлъ въ исторіи ни малѣйшаго значенія; мы видѣли польскихъ пановъ, шляхетство, польское духовенство, которое правильнѣе называть римскимъ или латинскимъ, а польскаго народа мы даже не знаемъ; подавленный, униженный, онъ не могъ даже стать темною основой для польскаго государства, и дѣйствительная политическая жизнь для поляковъ возможна только въ соединеніи съ русскимъ народомъ. Если бы даже всѣ русскіе люди, поголовно, изъявили готовность пожертвовать Польшею, то они не имѣли бы права сдѣлать этого. Потому не слѣдуетъ поощрять польской національности или вступать въ сдѣлки съ польскими національными стремленіями, какъ бы умѣренно и благоразумно они ни высказывались; и самыя умѣренныя польскія программы для насъ опасны. Отказываться отъ обладанія Польшею,—говорили „Моск. Вѣд.“,—значило губить все политическое значеніе Россіи. По поводу же высказанныхъ гдѣ-то предположеній, что русскіе и польскіе интересы могли бы быть объединены одинаковыми либеральными учрежденіями, высказывалось, что мысль о конституціи для Польши возмутительна уже потому, что при ней поляки имѣли бы больше правъ, чѣмъ русскіе, а намъ тоже не резонъ измѣнять свое положеніе изъ-за Польши. Въ одной изъ помѣщенныхъ въ той же газетѣ статей высказывалось еще, что все отличіе польской народности отъ русской состоитъ въ незначительной разности польскаго нарѣчія отъ русскаго языка; а такъ какъ единство языка составляетъ самую сильную связь для населеній, то мы никакъ не должны пренебрегать этимъ средствомъ для соединенія съ нами польскаго племени, и при нѣкоторомъ только благоразумномъ съ нашей стороны „содѣйствіи“ — польскій провинціализмъ утратитъ свою напряженность и положеніе станетъ спокойнѣе. Такъ польскій вопросъ сводился къ упрощенному принципу дѣйствованія силою, безъ всякихъ осложнений, и съ такою же перспективою въ будущемъ. Проводя эту абсолютную систему, статьи „Моск. Вѣд.“ видѣли въ происходившихъ военныхъ дѣйствіяхъ не одну печальную необходимость, но проявляли еще такую враждебность къ полякамъ, которая выражалась и въ крѣпкихъ словахъ, и въ насмѣшкахъ, взывала къ

усиленію каръ для классовъ населенія и для отдѣльныхъ лицъ, причемъ торжествующій тонъ чувствовался въ сообщеніяхъ о смертныхъ казняхъ и ссылкахъ, поддержка которыхъ выступала въ этой газетѣ своего рода задачею литературы. По адресу же разномыслящихъ съ „Моск. Вѣд.“ направлялись обвиненія въ измѣнѣ и интригѣ или косвенные намеки такого рода, а въ случаѣ особой снисходительности—укоры въ неразуміи.

Проникшись такимъ духомъ въ отношеніи къ польскому дѣлу, обновленная московская газета нашла данное время удобнымъ для обращенія того же духа и на расправу съ представителями русской печати и другими общественными элементами. Яркое „сикофанство“ хлынуло безъ задержки. Когда открылась дипломатическая кампанія со стороны иноземныхъ правительствъ, „Московскія Вѣдомости“ заговорили, что иностранцы ободряются въ своихъ дѣйствіяхъ смутными признаками существующаго въ Россіи внутренняго недовольства и разложенія, а въ образованіи такихъ признаковъ повинны представители русскаго общества и наша подцензурная печать. Иностранцы-де не могли не знать, что произведенія дѣятелей лондонской русской печати пользовались въ Россіи большимъ кредитомъ и русскіе люди разныхъ сословій пилигримствовали къ этимъ „вольноотпущеннымъ сумасшедшаго дома“, питаясь ихъ мудростью; доходили до иностранцевъ и слухи о дикихъ явленіяхъ во внутренней русской печати, которая предавалась „неслыханнымъ оргіямъ“ съ одобренія цензуры, и вѣсти объ удивительныхъ проектахъ, о состояніи нашихъ учебныхъ заведеній, и о томъ, что всѣ подобныя нелѣпости не встрѣчали сильнаго противодѣйствія въ общественной средѣ; напротивъ, высшіе представители общества относились съ полнымъ равнодушіемъ къ призыву стоять на стражѣ противъ „измѣннической крамолы“. Одну изъ круннѣйшихъ „интригъ“ усмотрѣли „Моск. Вѣдомости“ въ тогдашнемъ украинофильствѣ, проявлявшемъ заботу о малорусскомъ языкѣ и изданіи малорусскихъ книгъ, причемъ петербургскій профессоръ Костомаровъ собиралъ средства на эти изданія. Малорусскій языкъ объявленъ былъ названною газетою никогда небывалымъ, выдуманымъ, а украинофилы—покорнымъ орудіемъ поляковъ и органомъ такой враждебной и темной интриги, что затраты на малороссійскія изданія—гораздо хуже пожертвованій въ пользу польскаго мятежа. Такъ и Костомаровъ очутился въ роли какого-то измѣнника. Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, вспомнивъ, что около года назадъ ей пришлось напечатать объясненіе кіевской группы украиннофиловъ, выразивъ имъ нѣкоторое снисхожденіе, заявляла,

что за это ее кто-то укорялъ въ „послабленіи“, и заключала, что кается въ быломъ своемъ грѣхѣ и постарается загладить его въ будущемъ. Словомъ, составилъ разомъ цѣлый букетъ интригъ: польская, католическая, украинофильская, журнальная, учебная, внутренне-общественная и т. д., а на ряду съ ними выступили: вредная снисходительность цензуры, недосмотръ администраціи, недостатокъ благонадежнаго надзора въ обществѣ и т. п. При натравливаніи на печатныя изданія, послѣднія назывались поименно, въ томъ числѣ и казенныя; обличеніямъ подвергался и „День“, и тогдашній славянофильскій публицистъ Гильфердингъ, а общее впечатлѣніе получалось такое, что всюду опасности и злоумышленія, и единственный спасительный утѣсъ—бдящая на Страстномъ бульварѣ редація „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ отношеніи къ неодобряемымъ газетою людямъ вводились въ обращеніе такія „литературныя“ выраженія, какъ „жулики“ и „сволочь“. Дискредитировалось и общественное представительство вообще въ пользу „властной руки“; такъ, рѣшительнѣе прежняго проводя передачу земскаго дѣла въ руки небольшой группы крупныхъ собственниковъ, московская газета стала уже утверждать, что нѣтъ нужды въ земскихъ собраніяхъ, которыя годны только „какъ сюжетъ для каррикатуръ“, а вся сила—въ *людяхъ* „дѣйствующихъ и управляющихъ“.

Путь, на который выступили „Московскія Вѣдомости“, былъ еще новъ для нашей печати, и потому обиліе безогляднаго литературнаго обвинительства возбудило во многихъ удивленіе. Станнымъ казалось, какъ это крѣпко можетъ удерживаться образовавшійся въ человѣческой натурѣ осадокъ старыхъ преданій ябедничества, если и умъ, и полученное высокое образованіе, и долговременное обращеніе въ лучшей общественной средѣ не парализуютъ, а только прикрываютъ его верхнимъ слоемъ, такъ что стоить расшевелить этотъ слой—и прелесть подобныхъ преданій вынырнетъ изъ-подъ спуда съ готовою энергіею. Эмансиповавшись отъ общественнаго понятія о достоинствѣ печатнаго доносительства, „Московскія Вѣдомости“ подали въ этомъ отношеніи ободрительный примѣръ и другимъ, оставивъ по себѣ глубокій слѣдъ, такъ какъ позднѣйшіе ихъ подражатели, будучи калибромъ ниже своего образца, надолго стали, за недостаткомъ собственной творческой силы и нравственнаго чувства, пробавляться пережевываніемъ старой Катковской жвачки. Однако для внѣшняго своего положенія инициаторы смѣлаго сикофантства не прогадали. Пугать опасностями въ острый моментъ, подрывать едва начавшееся благопріятствованіе развитію общественной

жизни и возбуждать угасавшіе мотивы близкой старины оказалось въ своемъ родѣ выгоднымъ дѣломъ, которое еще облегчалось тѣмъ, что было соединяемо съ видимымъ отстаиваніемъ государственныхъ интересовъ отъ чуждыхъ посягательствъ. Новой московской проповѣди было кому угодить, и она нашла себѣ вліятельное сторонничество и въ тогдашнихъ верхнихъ слояхъ, и въ разныхъ общественныхъ элементахъ, гдѣ откликались сохранившіеся отъ прежняго времени сходные мотивы, такъ что скоро „Московскія Вѣдомости“ стали очевидною фактической силою, съ которою должны были очень считаться и правительственные лица.

Иначе относились къ дѣлу въ кружкѣ „Дня“, гдѣ, несмотря на сильное негодованіе, вызванное первыми актами возстанія, даже центральное ядро славянофильства старалось еще въ первое время держаться послѣдовательно на почвѣ правъ „народности“ и различія между положеніями царства польскаго и западнаго края, не давая впечатлѣніямъ острыхъ событій заглушать эту теоретическую основу возрѣвшаго кружка.

Аксаковъ еще въ началѣ предыдущей осени высказывалъ въ газетѣ свой взглядъ на дѣло, между прочимъ, такими характерными словами: „Въ силу того же начала, которое заставляетъ насъ такъ горячо отстаивать права русской народности противъ польскихъ домогательствъ, — въ силу этого же самого живого начала — стоимъ мы и за право польской народности въ предѣлахъ Польши, но — Польши, а не Волыни, Подолія, Бѣлоруссіи и пр.“. Эта же точка зрѣнія выражалась имъ и въ началѣ 1863 года, когда борьба съ повстанцами уже началась и раздраженіе противъ нихъ достигало уже высокой степени, такъ что около того же времени Аксаковъ еще не отставалъ отъ мысли о цѣлесообразности запроса самой польской націи о ея желаніяхъ, въ надеждѣ на вліяніе болѣе разумныхъ ея элементовъ. Весною же появилась большая статья очень цѣнившагося въ славянофильскомъ кругѣ публициста его, А. Θ. Гильфердинга, который старался объяснить происхожденіе современнаго положенія исторически, прослѣдивъ нить русско-польскихъ отношеній съ глубокой древности, отъ женитьбы кіевскаго князя Святополка-Окаяннаго на дочери польскаго короля Болеслава до послѣдней эпохи, и при этомъ относился къ польской націи вполне объективно. — Нельзя не отдать дани уваженія и удивленія самопожертвованію поляковъ, — высказывалъ Гильфердингъ; — исторію, можетъ быть, осудить ихъ дѣло, но самопожертвованіе останется въ ней славною, хотя печальною страницей, и не мы, русскіе,

станемъ чернить клеветою тѣ чувства патріотизма, которыя побуждаютъ польскихъ матерей высылать своихъ сыновей на вѣрную смерть, а нестройныя толпы—выходить съ плохимъ оружіемъ на русскіе штыки и штуцера. Но польское дѣло поражено внутреннимъ безсиліемъ, корень котораго образовался въ глубокомъ прошломъ и состоитъ въ противорѣчій польскихъ историческихъ началъ—славянской основѣ народа, почему и геройство идетъ на безнадежное дѣло“. Очертивъ рядъ событій, совершавшихся въ теченіе вѣковъ, Гильфердингъ объяснялъ, что поляки, давно пріобщась къ латинскому міру и проникшись его духомъ, отъединились отъ задачъ славянства и стали по отношенію къ послѣднему въ ложное положеніе, дойдя наконецъ до того, что проливали свою кровь за угнетателей славянства, мадьяръ, противъ сербовъ, хорватовъ, словаковъ и русинъ, а затѣмъ, поступивъ въ турецкіе ряды, поддерживали гнетъ надъ балканскими славянами и вели турецкое войско для завоеванія Черногоріи. Сражаясь подъ знаменемъ „народности“, они вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ права народности милліоновъ славянъ въ Россіи, и это-то внутреннее противорѣчіе и составляетъ причину безсилія и безнадежности польскаго дѣла. Но прошлаго не воротить,—и вотъ приходится бороться съ поляками кровавою борьбою,—заключалъ Гильфердингъ.

Но у „Дня“ былъ и другой постоянный сотрудникъ, Кояловичъ, который, обращая на себя вниманіе горячею защитою правъ и интересовъ бѣлорусскаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутъ былъ острою враждою къ полякамъ и повелъ рѣчь болѣе конкретнаго характера, за усиленіе преслѣдованій противъ нихъ. Когда объявленъ былъ манифестъ объ амнистіи для тѣхъ, кто сложитъ оружіе и обратится къ повиновенію до 1 мая, Кояловичъ заговорилъ объ излишней широтѣ этой амнистіи, проводя новаго рода различіе между царствомъ польскимъ и западными губерніями: пусть бы еще амнистія коснулась одного царства, но затѣмъ же распространять ее на виновныхъ западнаго края, когда они, затронувъ страну русскаго народа,—преступниѣе взявшихъ оружіе въ царствѣ польскомъ? Сравнительно большая преслѣдовательность въ западномъ краѣ, по его мнѣнію, могла бы выкидывать изъ этого края въ Польшу людей, морально оторвавшихся отъ народа во имя Польши. Такъ и на страницахъ „Дня“ уголовныя преслѣдованія вторглись въ роль одного изъ интересовъ литературы, и печать пошла уже дальше правительственной строгости.

Къ вопросу объ объединеніи Польши съ Россіею одинаковыми либеральными учрежденіями „День“ отнесся такъ же, какъ „Московскія Вѣдомости“, выражаясь только болѣе образно: сочиненная по западному образцу конституція, пригодная, можетъ быть, для Польши, намъ не годится,—говорилъ опъ. -- Россія призвана выработать свое оригинальное земское и государственное устройство, органически развившееся изъ ея собственныхъ началъ, и если бы она пожертвовала этими началами умиротворенію Польши, преобразовавъ свое государственное устройство, то Россіи пришлось бы очутиться не во главѣ, а въ хвостѣ Польши. И выходило, что если Россія дорожить своимъ самостоятельнымъ развитіемъ, а полякамъ нельзя дать больше правъ, чѣмъ русскимъ, то, напротивъ, Польша подлежитъ пригонкѣ къ выработавшейся русской мѣркѣ.

Быстро развивались событія и параллельно имъ возростали страсти, получившія новое возбужденіе въ актахъ дипломатическаго вмѣшательства въ польское дѣло. Въ славянофильскомъ кругу вліяніе заявленныхъ прежде теоретическихъ возрѣній стало вытѣсняться продуктами раздраженнаго чувства. Распространеніе повстанческихъ партій въ западныхъ губерніяхъ раздражало славянофильское ядро гораздо сильнѣе возстанія въ царствѣ польскомъ. Помню, какъ одинъ разъ, среди разговора о томъ, Аксаковъ, съ горящими глазами и сжавъ кулаки, произнесъ:—Если бы я былъ теперь въ западномъ краѣ, то я самъ бунтовалъ бы народъ противъ поляковъ! — Въ газетѣ стали выступать запросы: приняты ли такія-то мѣры строгости, секвестрованы ли имѣнія такого-то и такого-то польскихъ помѣщиковъ и т. д.? Но въ газетѣ возбужденное раздраженіе выступало еще не такъ рѣзко, какъ въ устныхъ разговорахъ. Въ послѣднихъ у польскаго элемента отрицалось одно право за другимъ; предлагалось то лишеніе поляковъ права сохранять землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ, то—нѣчто въ родѣ выселенія ихъ оттуда, то другія крайности; а это порождало большіе споры, такъ какъ значительная часть посѣтителей пятничныхъ собраній находила, что отъ вынужденнаго усмиренія мятежа и необходимости отражать иностранное вмѣшательство до высказываемыхъ предположеній разстояніе еще очень велико. Соберется, бывало, обычный пятничный составъ — и уже образуются двѣ стороны: изъ одной группы идутъ горячія обвинительныя рѣчи, складывающіяся въ какую-нибудь новую ограничительную теорію, а другая оппонируетъ. Подобные споры затягивались на цѣлыя часы и повторялись нѣсколько пятницъ, но съ каждымъ

возобновленіемъ ихъ слабѣла надежда на возможность взаимнаго разъясненія или какого бы то ни было соглашенія; напротивъ, стороны видимо отдалялись одна отъ другой. Глядя на это, нельзя было не чувствовать, что вотъ и здѣсь уже совершается серьезное распаденіе. Нѣкоторые изъ обычныхъ посѣтителей общества переставали появляться на пятницахъ, а на сдѣланный имъ при встрѣчѣ гдѣ-нибудь вопросъ о причинѣ, бывало, отвѣчаютъ:—да зачѣмъ туда являться?—тамъ только рыканія, а станешь возражать—и бесполезно, и неинтересно.

Политическіе адреса съ разныхъ сторонъ, ставъ въ это время ежедневнымъ явленіемъ, создавали особое, приподнятое и постоянное настроеніе, порождавшее мысль, что въ нихъ есть своя специальная сила. Слышалось и печаталось, что, вотъ, зашевелился нашъ миѳическій Микула Селяниновичъ, которому не страшна Европа, пошли въ ходъ—„О чемъ шумите вы, народные витіи“, и т. д.,—словомъ, пошли обычные, періодически у насъ повторяемыя, напыщенные фразы. Когда дипломатическая кампанія ослабла и въ ней обозначились признаки отступленія, Аксаковъ печатно высказывалъ, что, вотъ, Западъ испугался русскаго внутренняго одушевленія и подается назадъ, хотя въ ту пору еще свѣжо было въ памяти, какъ въ крымскую войну недостатка въ адресахъ тоже не было, но это Запада не останавливало въ дѣйствіяхъ противъ насъ. Тонъ обращавшихся въ большей части общества рѣчей сливался съ правительственными заявленіями. Разъ, помню, одинъ изъ представителей московскаго славянофильскаго ядра, бывшій профессоръ Ѳ. В. Чижевъ, рассказывалъ о какомъ-то своемъ политическомъ разговорѣ съ поляками такъ:—Они мнѣ говорятъ: да мы-де вовсе не противъ русскаго общества, мы только противъ правительства; а я имъ отвѣчаю:—Напрасно вы это говорите; мы, русскіе, вовсе не отдѣляемъ себя въ этомъ дѣлѣ отъ правительства,—мы стоимъ за то же, за чтò и оно.

Мнѣ скоро, подобно нѣкоторымъ другимъ, пришлось разстаться съ Аксаковскимъ обществомъ. Въ половинѣ мая, въ самый разгаръ адреснаго оживленія, среди этого общества заговорили, что готовится новый актъ: „заявленіе студентовъ“ о томъ, что и они чувствуютъ свое единство съ русскимъ народомъ, что его стремленія—ихъ стремленія, его знамя—ихъ знамя и т. под. Кто именно былъ инициаторомъ этого дѣла—какіе-либо изъ посѣщавшихъ пятницы университетскихъ студентовъ, или другія лица—сказать теперь не могу, но Аксаковъ очень горячо поддерживалъ мысль о „заявленіи“.—Противъ студентовъ часто слышались политическія нареканія, — говорилъ онъ,—пусть же всѣ

явственно услышать, что это ложь, и что студенты—родныя дѣти своего народа, также проникнуты русскимъ патріотизмомъ, также преданы православію и народнымъ идеаламъ и т. д.—Я и нѣкоторые другіе возражали противъ этого тѣмъ, что единство съ народомъ и искренній патріотизмъ, внѣ всякаго сомнѣнія, дѣло очень хорошее и въ высшей степени желательное, но есть ли надобность возглашать это всенародно, на показъ, особенно при неизвѣстности именъ заявителей и отсутствіи у нихъ полномочій говорить отъ всего студенчества? Цѣнно глубокое и живое чувство, а къ парадной выставкѣ неизбѣжно примѣшивается фальшь, напр. желаніе поиграть роль, способное привлекать и не подходящихъ по своей духовной сущности къ смыслу заявленія. Вѣдь самъ Аксаковъ указывалъ прежде студентамъ, что ихъ дѣло—только учиться, а не вдаваться въ какую-либо политику, да притомъ заявленіе студентовъ представляетъ если не прямое, то косвенное обращеніе къ власти, а она уже достаточно внушила имъ, что не придаетъ ихъ голосу никакого значенія; стало быть, положеніе можетъ выйти не совсѣмъ ловкое, и если не трудно собрать двѣсти-триста подписей желающихъ заявиться, то—помимо вѣроятности проникновенія номинальныхъ патріотовъ—это можетъ произвести даже обратный искомому эффектъ, такъ какъ подчеркнетъ неучастіе другихъ; не скажутъ ли: вотъ, въ патріотическихъ чувствахъ росписалась только сравнительно небольшая группа студентовъ, а вѣдь остальная-то, молчащая масса больше и важнѣе? Но возраженія встрѣтили въ славянофильскомъ ядрѣ только негодованіе. Аксаковъ надѣялся, что къ заявленію примкнетъ почти весь московскій университетъ, а тамъ отзовется въ такомъ же смыслѣ студенчество другихъ университетовъ, словомъ—грянетъ что-то сильное и эффектное.

Въ слѣдующую же пятницу прибыла на вечеръ новая, большая группа студентовъ, прежде тамъ не бывавшихъ и готовыхъ принять участіе въ заявленіи. Текстъ послѣдняго былъ готовъ, написанный живо, звучно, въ сильныхъ выраженіяхъ. Опровергая надежды „враговъ Россіи“ на учащееся поколѣніе, студенты московскаго университета „громко, предъ лицомъ и во всеуслышаніе всей Россіи“ объявляли, что у нихъ неразрывна связь съ русскимъ народомъ и его коренными началами, что они считаютъ враговъ народа—своими врагами и возмущаются всякимъ призывомъ къ смутѣ, хотя бы подъ предлогомъ свободы; не имѣя ненависти къ польскому народу и уважая его патріотизмъ, они желаютъ ему и свободнаго, самостоятельнаго развитія, только

подъ условіемъ, чтобы свобода Польши не была неволею для русскихъ; не отрицая той доли неправды, какая могла быть въ отношеніи къ Польшѣ съ нашей стороны, студенты высказывали однако, что слышимые Европою вопли польской шляхты не могутъ для нихъ заглушать мужицкіе стоны угнетеннаго шляхтою и латинствомъ малорусскаго и бѣлорусскаго народа, и что они готовы, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, отстаивать до послѣдняго издыханія цѣлость и неприкосновенность русской земли, полагая, что въ данный моментъ долгъ каждого русскаго—отложить въ сторону внутреннія неудовольствія и пристрастія къ тѣмъ или другимъ политическимъ теоріямъ—хранить непоколебимую вѣрность русской землѣ и тому, кого она признаетъ своимъ представителемъ.—Тонъ и мысли заявленія до того напоминали Аксаковскіе, что можно было приписывать Аксакову или самое сочиненіе, или окончательную редакцію.

Прибытіе заявителей привело къ спору съ ними самими, и мнѣ съ двумя другими лицами пришлось тутъ принять наиболѣе активное участіе. О составѣ вновь явившейся группы я кое-что услышалъ отъ другихъ студентовъ, знакомыхъ мнѣ прежде. Заявители объясняли, что желаютъ выразить одушевляющія ихъ чувства, а я стоялъ на почвѣ тѣхъ соображеній, какія приведены выше, выражая ихъ возможно рельефнѣе. — Да не увлекаетъ ли васъ просто торжественность акта заявленія? — обращался я къ нимъ; — между вами, говорятъ, есть и бельгійскій подданный, который рвется выразить русскій патріотизмъ и свое духовное единство съ русскимъ народомъ, есть и католики, стремящіеся росписаться въ преданности православію, а это, какъ хотите, плохо вяжется съ искренностью одушевленія.—И оказалось потомъ, что въ это время предо мною стоялъ какъ разъ тотъ самый бельгійскій подданный. Нѣкоторые было-заколебались, но тутъ на подмогу заявителямъ поспѣшили Аксаковъ съ нѣсколькими представителями ядра, и произошелъ такой жаркій споръ, что между нами образовался уже полный разладъ, послѣ котораго прежнія мои отношенія къ Аксакову и „Дню“ совсѣмъ прервались.

„Заявленіе“ было потомъ напечатано въ „Днѣ“, безъ означенія именъ, но съ указаніемъ, что подъ подлинникомъ есть двѣсти подписей, и съ приглашеніемъ желающихъ—присоединяться къ своимъ товарищамъ. Помнится, такихъ присоединившихся оказалось потомъ нѣсколько десятковъ.

Я продолжалъ еще жить въ Москвѣ, работая для петербургскихъ изданій. — Перерывъ моихъ отношеній съ Аксаковымъ

длился болѣе полугода. Но затѣмъ, когда волненія нѣсколько утихли и случалась мнѣ надобность напечатать что-нибудь могущее встрѣтить поддержку всего болѣе въ „Днѣ“, я посылалъ Аксакову статьи, и онъ ихъ печаталъ. А въ началѣ осени 1864 г., когда я покидалъ Москву, будучи назначенъ мировымъ посредникомъ въ подольскую губернію, — пришлось мнѣ опять свидѣться съ Аксаковымъ. Мы разговорились уже дружелюбно и наши отношенія поправились настолько, что послѣ этого я сталъ присылать статьи для „Дня“ уже изъ провинціи.

Θ. Воропоновъ.

